

ЕВРИПИД

ИОН¹

Перевёл с древнегреческого Вланес

ГЕРМЕС²

Атлант³, спиною медной мнуций небеса,
старинный дом богов, зачал с одной богиней
дочь Майю⁴, а она властительному Зевсу
Гермеса родила – меня, слугу бессмертных.
В дельфийскую пришёл я землю. Это здесь,
на пуп земли⁵ садясь, издревле Феб⁶ для смертных
поёт⁷ пророчества о том, что есть и будет.
Так вот. В Элладе город есть небезызвестный,
златокопейной⁸ он Паллады носит имя.⁹
Там Феб вступил насильно с дочкой Эрехтея,¹⁰
Креусой,¹¹ в связь, у взгорий северных, которых
в афинском государстве, под холмом Паллады,
цари¹² аттические «Мáкрами»¹³ назвали.

---

¹ Время создания «Иона» неизвестно. Называется примерная дата – между 414 и 412 гг. до н.э. Ион – мифический родоначальник ионийцев, одного из крупнейших древнегреческих племён. Перевод выполнен с древнегреческого языка по изданию Диггла: *Euripidis Fabulae*. Edidit J. Diggle. Tomus II. Oxford Classical Texts. Oxford: Clarendon Press, 1981. 305-73. При переводе были использованы комментарии Джеррама (*Euripides. Ion*. Ed. C.S. Jerram. Oxford: Clarendon Press, 1896. – 66, 100 p.), Верралла (*The Ion of Euripides*. Tr. and ed. A.W. Verrall. Cambridge: Cambridge University Press, 1890. – 131 p.) и Оуэна (*Euripides. Ion*. Ed. A.S. Owen. Oxford: Clarendon Press, 1939. – 196 p.). Перевод сверен с подстрочной английской версией Ковача: *Euripides. Ion*. Edited and Translated by David Kovacs. Vol. IV. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. В треугольных скобках (< >) даётся реконструкция несохранившегося текста.

² Оуэн (с. 67): «Гермес произносит эту вступительную речь в предрассветных сумерках. В Античности, конечно, не было возможности затемнить сцену. Ночь или сумерки должны были представляться зрителями. Всё действие *Реза* происходит ночью».

³ Атлант или Атлас – титан, приговорённый держать на своих плечах небесный свод за то, что принимал участие в восстании против богов.

⁴ Старшая и самая красивая из сестёр-плеяд, нимфа гор. В гроте аркадской горы Киллена сошлась с Зевсом, от которого родила Гермеса.

⁵ Омфал (по-древнегречески – пуп). Культовый объект в Дельфах, посвящённый Аполлону. Находился в его храме, развалины которого всё ещё сохранились. Вокруг омфала в древности находилось два золотых орла. Согласно мифу, Зевс выпустил двух орлов с западного и восточного краёв земли. В ту точку, где орлы встретились, он бросил камень, который и стал символом центра мироздания. По другому преданию, омфал был могилой змея Пифона, убитого Аполлоном, и являл собой точку соприкосновения между миром живых и мёртвых. Сохранившуюся верхнюю часть омфала можно увидеть в Археологическом музее в Дельфах.

⁶ Феб (т.е. Лучезарный) – одно из имён Аполлона.

⁷ Пророчества были в стихах, обычно в гекзаметрах, и пелись.

⁸ Аллюзия на позолоченный наконечник копья огромной бронзовой статуи Афины Промехос (Воительницы) на афинском Акрополе. Статуя была изваяна Фидием. Её было видно за несколько километров.

⁹ Имеются в виду Афины.

¹⁰ Эрехтей (Ερεχθεύς) – древний царь Афин.

¹¹ Имя Креусы не встречается в аттической легенде. Гермес называет это имя шесть раз.

Без ведома отца (так богу захотелось),
она ходила грузной, и, дождавшись срока,
от бремени в отцовом доме разрешившись,
ребёнка в тот же грот, где возлежала с богом,
Креуса отнесла, чтоб он и умер там,
в пустой корзине с безупречно круглым днищем.¹⁴
Обычаю она последовала предков
и Эрихтония,¹⁵ рождённого землёю –
дочь Зевса¹⁶ рядом с ним¹⁷ поставила на стражу
двух змеев, поручая девам Аглавридам¹⁸
ребёнка. Так у Эрехтид¹⁹ возник обычай
детей растить, надев им змеев златобитных
на шею.²⁰ Цепь свою и девушка надела
на мальчика, его оставив умирать.
Но Феб, мой брат, ко мне пришёл с такою просьбой:
«Родной, иди к народу, взрослому из почвы,²¹
в Афины славные (ты знаешь град богини),
младенца вытащи из углубленья в камне
и отнеси его в пелёнках, с колыбелью,
в святилище моё дельфийское, и там
пред храмом положи, у самого порога.
Об остальном (ведь это сын мой, понимаешь)
я позабочусь». Брату Локсию²² в угоду
плетёную корзину поднял я с ребёнком,
отнёс вот в этот храм, на верхние ступени,
и здесь оставил, крышку короба откинув
плетёную, чтоб на виду лежал малютка.

---

¹² Слово «ἄνακτες» («цари» или «вожди») здесь, наверное, употребляется в широком смысле. Имеются в виду вообще жители, «хозяева» этого края.

¹³ Макры (Μακροί, Большие Скалы) – невысокие горы, тянущиеся вдоль северной стороны Акрополя. Из сохранившихся текстов это название встречается лишь у Еврипида. В северно-восточной части этих гор есть несколько гротов, один из которых, видимо, и стал сценой любовной связи Аполлона и Креусы.

¹⁴ Эта история, с вариациями, повторяется в трагедии пять раз. Днище закруглено, чтобы корзинка качалась, убаюкивая младенца.

¹⁵ Эрихтоний – древний царь Афин, которого родила Гея (Земля) от пролившегося семени Гефеста. Воспитан Афиной, которая передала младенца в закрытом ящике дочерям Кекропа (Κέκροψ, первый царь Аттики) – Герсе, Аглавре и Пандросе. Она запретила девушкам заглядывать в ящик, так как Эрихтоний был обвит змеёй (или имел нижнюю половину тела змеиную). Царевны нарушили этот запрет и открыли ящик. Аглавра и Герса за это были поражены безумием и покончили с собой, бросившись с акропольской скалы (по другому варианту мифа, были задушены змеёй). После этого Афина сама воспитала его в своём храме.

¹⁶ Афина.

¹⁷ С Эрихтонием.

¹⁸ Они так называются по имени своей матери, Аглавры, дочери афинского царя Актея и жены Кекропа.

¹⁹ Имеются в виду потомки Эрехтея. Ко времени действия «Иона» прошло уже более одного поколения после смерти этого царя.

²⁰ Похожие украшения в виде змей часто встречаются в искусстве Этрурии и Помпеи. В этом мифе обычно упоминается лишь одна змея. Еврипид называет две.

²¹ «Взросший из почвы» - «αὐτόχθων»: любимое хвастовство афинян, что они выросли из своей земли, т.е. не пришли на неё извне, а жили на ней извечно.

²² Локсий (Λοξίας), т.е. «Извилистый», «Запутанный (в своих вещаниях)» – культовое имя Аполлона.

Случилось, что под кругом скачущего солнца²³
входя в оракул бога, жрица²⁴ обратила
свои глаза к новорождённому младенцу,
дивясь, что девушка дельфийская посмела
подкинуть плод родильных мук в обитель бога,
и прочь от алтарей убрать его желая –
но перед жалостью жестокость отступила,
помог и бог дитя не выбросить из храма.
Она растит его, не зная, что посеял
ребёнка Феб, и мать ей тоже неизвестна,
и мальчик сам своих родителей не знает.
Он маленьким бродил и с алтарей питался,²⁵
игрою занят, а как только возмужал,
назначили его дельфийцы верным стражем
и золота, и всякой собственности бога,²⁶
и жил он в храме до сих пор достойной жизнью.
С течением времени мать юноши, Креуса,
за Ксуфа²⁷ вышла замуж. Вот как это было:
залило и Афины, и Халкодонтид,²⁸
властителей Эвбеи, волнами сражений,
а Ксуф помог, и бился доблестно копьём,
и честь женитьбы на Креусе заработал,
хоть не был здешним, но Эола,²⁹ сына Зевса,
ахейским сыном. Годы сеял он потомство,
но нет детей у них с Креусой. Потому-то
пришли они сюда, в оракул Аполлона,
молить о детях. Провиденьем правит Локсий.
Не так забывчив он, как может показаться.
Он в прорицалище явившемуся Ксуфу
даст собственного сына, объявив, что Ксуф –
отец его, чтоб мальчик в доме материнском

---

²³ «Скачущего солнца» («ἰπτερόντος ἡλίου») – бог солнца, Гелиос, скачет по небосводу в своей колеснице. Аполлон рассчитал всё так, что ребёнок был оставлен на пороге храма как раз перед появлением жрицы, начинавшей свою службу на рассвете.

²⁴ Прорицательница, служившая в храме Аполлона. Согласно античным описаниям, при дельфийском святилище в древние времена, когда обращались к оракулу, по-видимому, лишь один раз в год, было две пифии и одна их заместительница. Впоследствии, при более частом вопрошании оракула, была лишь одна пифия. Она готовилась к прорицанию трёхдневным постом и омовением в Кастальском источнике. Перед прорицанием надевала роскошную одежду, возлагала лавровый венок на голову, пила воду источника Кассотиды и жевала лист священного лавра. Затем она садилась на треножник и, впадая в экстаз от одуряющих паров, пророчествовала. Пары эти были вредны. Известен один случай, когда пифия, соскочив с треножника, упала в бесчувствии и умерла.

²⁵ Преимущественно мясом, приносимым посетителями. Ион, как служитель храма с раннего детства, имел право есть жертвенное мясо.

²⁶ В Дельфах было скоплено огромное множество сокровищ – даров просителей со всего античного мира.

²⁷ Ксуф – согласно одному варианту мифа, сын Эллина, родоначальника греков. Жил в Фессалии. Был изгнан оттуда своими братьями. Бежал в Афины, где принял участие в победоносной войне против эвбейцев (на самом деле, против элевсинцев, но Еврипид изменил миф), за что был награждён женитьбой на Креусе.

²⁸ Потомки Халкодонта, легендарного царя Эвбеи, погибшего в битве с фиванцами.

²⁹ Полубог, властелин ветров. По другому варианту мифа, Ксуф был его сыном.

Креусой узнан был, и сохранилась в тайне
её связь с Локсием, и сын был узаконен.
Страны азийской основателя, Иона,
по всей Элладе будет имя называться.
А я отправлюсь в эту лавровую рощу
и буду наблюдать, что́ с юношей случится.
Мне кажется, уже сын Локсия выходит
месте у храмовых дверей ветвями лавра.³⁰
Он будет наречён со временем Ионом,
и первый из богов так звать его начну я.

ИОН³¹

Четверная блестит колесница!³²
Свет свой Гелиос плещет на землю,
и от горнего пламени звёзды
убегают в священную темень.
Неприступные выси Парнаса³³
колесо ежедневное света
пропускают, сверкая, в мир смертных.
Дым от смирны невлажной³⁴ клубится,
поднимается к Феговым кровлям.
На божественнейший треножник
уж дельфиянка села, для греков
напевая слова Аполлона.
Вы же, Феговы слуги, дельфийцы,³⁵
к серебрястым круженьям кастальским³⁶
отправляйтесь и, чистой водою
там умывшись, в наш храм заходите.
Вы уста воздержаньем храните
и приличные речи
к посещающим этот оракул
языками своими слагайте.
Я же делом займусь, мне привычным
с детства раннего³⁷ – ветками лавра

³⁰ Лавр посвящён Аполлону и поэтому идеально подходит для этой работы.

³¹ Начинается так называемая монодия Иона. Доминирующий размер в оригинале – анапест. Древнегреческий анапест (который, надо учесть, гораздо свободнее русского) здесь переводится тоже анапестом, а менее устойчивые размеры – свободным стихом.

³² Четверная колесница – тетриппон. Коней Гелиоса зовут Эой, Пирознт, Эфон и Флегонт.

³³ Горы с двумя пиками, нависающие над Дельфами, назывались Федриадами. Вершины Парнаса из Дельф не видно.

³⁴ Диоскорид (ок. 40 г. н.э.) пишет, что было два вида смирны – «тучная» и «сухая». Первой пользовались во время пиров, а второй – для церемоний и обрядов. По другому объяснению, смирну доставляли из безводной Аравии, и эпитет перешёл со страны на растение.

³⁵ Дельфийская аристократия. Выполнять священные обязанности внутри храма могли только представители лучших семей, избравшиеся по жребию.

³⁶ Кастальский ключ течёт справа от храма Аполлона, если стоять лицом к горам. В настоящее время от него остался лишь скудный ручеёк, изменивший русло после землетрясения 1870 г.

³⁷ Оуэн (с. 76-7): «Сколько Иону лет во время действия пьесы? С одной стороны, он выказывает наивное любопытство, свойственное мальчику, и рассказ Креусы, кажется, создаёт первый шок в его отгороженной от мира жизни. С другой стороны, он достаточно взрослый для того, чтобы

входы вымету Фебова храма
и венков принесу освящённых,
пол водой окроплю, птичьи стаи,
что вредят приношениям почтенным,³⁸
обращу своим луком я в бегство.
Ведь без матери и без отца я,
потому и служу
в храме Феба, меня прокормившем.

Работай, свежезелёная служанка,
связанная из прекраснейшего лавра,
ты Фебов алтарь
метёшь под храмом,
принесённая из рощ бессмертных,
где журчат священные воды,
неиссякаемым
потокот бегущие
к священной листве мирта!
Тобою мету я пол, принадлежащий богу,
и весь день, под быстрым крылом солнца,
служу, выполняя дневную работу.³⁹

О, Пэан!⁴⁰ О, Пэан!⁴¹
Благодатным, благодатным
да пребудешь ты, сын Латоны!⁴²

Хороший труд, о Феб,⁴³
я у входа в твой дом выполняю,
почитая обитель пророчеств.
Славен мой труд –
богам своею рукою служить,
не смертным людям, но богам бессмертным!
Благочестивые труды
выполнять не устану я!
Феб меня породил, это он мой отец,

охранять сокровища и оказывать услуги посетителям <...>. Наверное, как многие мальчики, он себя ребёнком не считает <...>».

³⁸ Оуэн (с. 77): «Это посвячительные дары: треножники, кубки, доспехи, статуи т проч. Самые ценные хранились в зданиях храмового комплекса, другие висели на стенах. Для защиты статуй от птичьего помёта к их головам прикреплялись диски <...>. Это – возможный прототип нимбов на статуях христианских святых».

³⁹ Ион, конечно, преувеличивает. Он не работает метлой целый день. Скоро он бросит это занятие для более интересного – стрельбы по птицам. Некоторые комментаторы предполагают, что мальчик имеет в виду не «дневную», а «ежедневную» работу, но это толкование не доказано.

⁴⁰ Пэан или Пеан – эпитет Аполлона.

⁴¹ Не исключена возможность, что это – часть настоящего дельфийского гимна, известного афинским посетителям.

⁴² Латона (Летó) – дочь титана Кея и Фебы, была женой Зевса, с которой он расстался ради Геры, или же его возлюбленная вне брака, мать близнецов Аполлона и Артемиды.

⁴³ Высказывалось интересное предположение, что во время пения строфы Ион метёт в одну сторону, а, исполняя антистрофу – в противоположную.

и кормильца я славлю,
моего благодетеля отцом именуя,
Феба, властителя храма!

О, Пэан! О, Пэан!
Благодатным, благодатным
да пребудешь ты, сын Латоны!

Но прекращу я старанья
лавра, по полу влекомого,
из золотого сосуда выплесну
земную влагу,
истекающую
кастальскими водоворотами,⁴⁴
я текучую воду разбрызгаю,
восстав неосквернённым с ложа.
Так всегда бы Фебу
служить, не переставая,
а если перестать, то для славной доли!

А! А!
Летят уже птицы, покинув
ночлеги парнасские.
Говорю вам: не приближайтесь
к этим карнизам и домам раззолоченным!
Я и тебя из лука достану,
вестник Зевса, силу птиц
побеждающий клювом!⁴⁵
Вот и другой к жертвенникам несётся!
Лебедь! Не направишь ли ноги пурпурные
в другое место?
Фебова лира, тебе созвучная,
тебя не спасёт от моего лука!
Уносись прочь на крыльях!
Садись на озеро делосское!
Кровью прольёшь, если меня не послушаешь,
свои дивно звучащие песни!⁴⁶
А! А!
Что это за новая птица подходит?⁴⁷

---

⁴⁴ Кастальский источник в Дельфах, наверное, в древности был гораздо более живым и стремительным, чем теперь.

⁴⁵ Орёл. Оуэн (с. 80): «Орёл никогда не испытывал страха ни перед одной другой птицей, потому что он сильнее любого известного ему противника. Поэтому, кажется, он и нападает на аэропланы».

⁴⁶ Гилберт Марри (Оуэн, с. 80-1): «Поющий лебедь – не миф. Это мигрирующий лебедь, с голосом, звенящим подобно колокольчику. Эти птицы перелетают зимой из Южной России в Грецию». Ф.А. Пали (Оуэн, с. 81): «*Cygnus musicus*, когда поёт в полёте, напоминает звук скрипки». На это возражают, что скрипичный звук на самом деле вызывается вибрацией крыльев, а не пением.

⁴⁷ Еврипид не говорит, что это за третья птица. Оуэн (с. 81) считает, что это скорее всего ласточка, которая прилетает в Грецию в марте, когда празднуются Великие Дионисии –

Неужели будет плести под карнизом
гнезда своим птенцам?
Тебя прогонит звон тетивы!
Не послушаешься? Улетай к водоворотам
Алфея⁴⁸ рожать птенцов
или к истмийскому лесу,⁴⁹
чтобы не осквернились дары
и храм Феба <с прекрасным карнизом>⁵⁰!
Мне стыдно тебя убивать,
ведь ты возвещаешь речи богов
смертным.⁵¹ Но я буду прилежно трудиться,
Фебу служа, и не перестану
кормильцам своим угождать.

ХОР⁵²

<—>

Оказывается, не только
в божественнейших Афинах
есть дивноколонные жилища богов
и поклонения Агиею,⁵³
но и здесь, возле храма Локсия,
сына Латоны, лица близнецов-фасадов
льют свет из прекрасных глаз.⁵⁴

предполагаемое время постановки «Иона». Ирина Протопопова, с другой стороны, в статье «Афина-Коронида и третья птица из трагедии Еврипида “Ион”» утверждает, что третья птица – ворона: «Три птицы, к которым обращается герой – это, на наш взгляд, орёл, лебедь и ворона. Этим птицам соответствуют боги: Зевс, Аполлон и Афина». Мне лично кажется, что ворона – более вероятный кандидат, по той причине, что ласточки питаются в воздухе, ловя насекомых, и вряд ли станут подлетать к приношениям. Более того, подстрелить ласточку из лука – дело почти невозможное. Тем не менее, в следующих строках говорится, что эта птица плетёт гнездо под карнизом, что может всё-таки указывать на ласточку.

⁴⁸ Имеется в виду храм Зевса в Олимпии, возле реки Алфей.

⁴⁹ Роцца, посвящённая Посейдону, на Истме (Коринфском перешейке). Оуэн: «Иона, кажется, не заботит, что птицы будут осквернять святилища других богов».

⁵⁰ В скобках содержится реконструкция несохранившегося текста.

⁵¹ Все птицы, связанные с произнесением пророчеств, находились под охраной богов.

⁵² Входят служанки Креусы и начинают любоваться дельфийскими приношениями. Трудно с точностью сказать, на что эти женщины смотрят – на картины, скульптуру или ковры. Где эти женщины стоят? Мы знаем, что сцены Гигантомахии были изваяны на основании западного фасада, однако эта сцена должна происходить у восточной стороны храма, где был вход в пронаос (полуоткрытую часть античного храма между портиком и наосом). Еврипид наверняка хорошо знал Дельфы, но здесь мог отойти от точности в описаниях ради изобразительности.

⁵³ Агией (Уличный) – прозвание Аполлона, изображение которого ставили на улице. Это могли быть также конические колонны, на которых жгли благовония. Хор видел их по пути из Афин в Дельфы.

⁵⁴ Есть несколько толкований. (1) Восточный и западный фасады храма. Конечно, женщины видят лишь один, но могут иметь в виду оба. Этот вариант, как самый простой, и выбран для перевода. (2) В Афинах фасады двух храмов, Парфенона и Эрехтейона (который строился много лет и был завершён лишь к 406 г. до н.э.) находятся вблизи друг от друга. В Дельфах же храмы Аполлона и Афины Пронаии тоже расположены не очень далеко один от другого. Хор уже видел афинские храмы, а теперь созерцает дельфийские. Анахронизмы в древнегреческой трагедии – обычное дело, и зрители наверняка не обращали на них внимание. Многие из присутствовавших на первой постановке «Иона» ещё помнили, как строился Парфенон. (4) Статуи Аполлона и Лето. (5) Гермы, легко соответствующие колоннам Аполлона Агиейя. (Гермы – это четырёхгранные столбы, завершённые скульптурной головой, первоначально бога Гермеса (отсюда название), затем других богов (Вакха, Пана, фавнов), а с V века до н. э. и

- Смотри же, смотри внимательно!⁵⁵
Убивает лернейскую гидру⁵⁶
золотистым серпом сын Зевса.⁵⁷
Дорогая, взгляни своими глазами!
- Я вижу. А рядом с ним кто-то другой
берёт огненный факел.
Не о нём ли мне рассказали,
когда я ткани пряла –
о щитоносце Иолае, который,
взяв на себя труды, общие
с Зевсовым сыном, исчерпал их до дна?
- <—> А на этого посмотри,
что сидит на крылатом коне,
умерщвляя огнедышащее
трёхтелое чудище!⁵⁸
- Я и так повсюду взоры бросаю!
Погляди, как сгрудились Гиганты
на каменных стенах!⁵⁹
- Мы смотрим на это, подруги!
- А видишь над Энкеладом
потрясающую страшноглазым щитом...
- Вижу Палладу, мою богиню!
- А это что? Молния горит с обоих концов,
могучая, в руках Зевсовых,
всегда поражающих цель?
- <—> Я вижу! Враждебного
Мима огнём он сжигает в прах.
- <—> А Бромий,⁶⁰ Вакх, не оружием,

портретными изображениями государственных деятелей, философов и пр. Нередко к гермам приделывался с лицевой стороны фалл — эмблема плодородия. Служили межевыми знаками, указателями на дорогах и т. п.).

⁵⁵ Там было пять сцен: (1) Геракл и Иолай (возничий и товарищ Геракла) с гидрой; (2) Беллерофонт (герой, убивший трёхликую Химеру, сражаясь верхом на крылатом коне Пегасе) с Химерой; (3) Афина, потрясающая своим щитом, украшенным головой Горгоны, в поединке против гиганта Энкелада; (4) Зевс, бросающий молнию в гиганта Мима (иначе: Миманта); и (5) Дионис, повергающий ещё одного гиганта. Еврипид мог забыть, что Гигантомахия была изображена на западном основании храма, а не на восточном. Эти же сцены вышивались на одеянии богини Афины для Панафинейских игр – самых крупных религиозно-политических празднеств в античных Афинах, поэтому они были знакомы хору.

⁵⁶ Змееподобное чудовище с ядовитым дыханием, обитавшее в подземных водах, убитое Гераклом.

⁵⁷ Геракл.

⁵⁸ Беллерофонт, верхом на Пегасе убивающий трёхглавую Химеру. В оригинале «чудище» называется «ἀλκάν» (сила, мощь). Более буквальный перевод: «умерщвляя огнедышащую || трёхтелую силищу».

⁵⁹ Сцена гигантов, сгрудившихся для нападения на Зевса. Сохранились обломки западного основания храма, изображающие Афины и, возможно, Энкелада. Павсаний (10.19.4) пишет, что в его время скульптуры на основаниях представляли Артемиду, Лето, Аполлона, Муз, закат солнца и Диониса с Тийадами (участницами оргий на Парнасе). Однако Павсаний видел новую скульптурную группу, изваянную взамен старой, уничтоженной во время землетрясения или пожара в 373 г. до н.э.).

но плющевым жезлом⁶¹
убивает другого сына Земли!⁶²

<—> Эй ты, возле храма, тебе говорю я:
можно <порог> святилища
белой ногой переступить?
<Ион> Не позволено вам, чужеземки.
— А от тебя-то можно слово услышать?
<Ион> Что за слово ты хочешь?
— Это правда, что в центре, над пупом земли,
Фебов дом расположен?
Ион Он цветами увит, а на страже – Горгоны.
— Так и молва сообщает.
Ион Если жертвенный хлеб принесли вы для храма
и вам нужно у Феба о чём-то спросить,
к алтарю подходите, но в храм невозможно
заходить, не пожертвовав богу овцу.
— Я всё поняла. Закон божества
мы не хотим преступать.
И то, что снаружи, наш взор усладит.
Ион Так смотрите на всё, что закон позволяет.
— Разрешили мне господá
на святилище бога взглянуть.
Ион Вы рабынями числитесь дома какого?
— Жилище, в котором Паллада живёт,
моих питает властителей.
А вот и та, о ком вопрошаешь ты!⁶³

Ион <Приветствую тебя, царица! Облик твой>⁶⁴
исполнен благородства, и твои манеры
дают мне, женщина, понять, кто ты такая.
Обычно можно, наблюдая человека,
решить, высокого ли он происхождения.
А!
Я поражён. Закрыв глаза, ты увлажняешь
слезами щёки благородные свои
у входа в Локсиев молитвенный оракул.⁶⁵

---

⁶⁰ Бромий (Βρόμιος, Шумный) – одно из прозвищ Диониса.

⁶¹ В «Вакханках» Еврипид говорит о том, что жезлы из плюща (или фенхеля) превращаются во время оргий в смертоносное оружие.

⁶² Гиганты были сыновьями Геи (Земли), которая была оплодотворена каплями крови, упавшими из отрезанных половых органов Урана (Неба), а также семенем своего второго мужа – жестокого и ужасного божества Тартара.

⁶³ Хор обращает внимание Иона на появление Креусы. Её запоздалый приход никак не объясняется. В трагедии те, кто уже находится на сцене, редко обращаются первыми к новому персонажу.

⁶⁴ Оуэн (с. 89): «С первого же мгновения Иона влечёт к Креусе, а её – к нему, тогда как он принимает Ксуфа холодно, а сам Ксуф обращается к нему бесцеремонно. Это в большой степени противоречит интерпретации пьесы, предложенной Верраллом, согласно которой Ксуф – настоящий родитель Иона, а Креуса не связана с ним кровными узами».

⁶⁵ Джеррам (с. 18): «Греческая религия была преимущественно религией радости и торжества, особенно в связи с Фебом, “ясным” богом».

Где все другие рады, созерцая божье
святилище, твои глаза полны слезами?

КРЕУСА

Ты, незнакомец, недостатка воспитанья
не показал, когда моим слезам дивился.
Увидев этот Аполлонов храм, я снова
перестрадала давнее воспоминанье.
Мой ум был там, хотя сама я здесь стояла.
О, женщины несчастные! О, дерзновенья
богов! Как быть? В каком суде искать нам правды,
когда убиты мы неправдой власть имущих?
Ион Зачем ты, женщина, так странно безутешна?
Кр. Да низачем. Мой лук уж выстрелил. О прочем
я помолчу, и ты никак не беспокойся.
Ион Ты кто? Откуда ты? И где твоя отчизна?
Кр. К тебе по имени какому обращаться?
Ион Зовут меня Креусой, Эрехтей – отец мой,
а родина моя известна как Афины.
Ион Ты в славном городе живёшь, достойных предков
наследница! Я полон, женщина, почтенья!
Кр. Везёт мне в этом, незнакомец, но не больше.⁶⁶
Ион Поведай же, молю богами, это правда...
Кр. О чём так жаждешь, незнакомец, разузнать ты?
Ион ... что из земли, как говорят, твой прадед вырос?
Кр. Да, Эрехтоний. Мне мой род помочь не может.
Ион И подняла его с земли потóm Афина?
Кр. Руками девы, но не женщины родившей.⁶⁷
Ион Решив, чтоб мальчика, как видно по картинам...⁶⁸
Кр. Сокрытого от глаз, кормили Кекропиды.⁶⁹
Ион Я слышал, что ларец богини вскрыли девы.
Кр. Вот и погибли, край утёса окровавив.
Ион Ах вот как!
Ну а другой рассказ? Правдив он или ложен?
Кр. О чём вопрос твой? Я отвечу, время терпит.
Ион Отец твой Эрехтей, твоих сестёр заклал он?
Кр. Он жизни девушек пожертвовал отчизне.⁷⁰

⁶⁶ Начинается самая длинная из известных нам стихомифий Еврипида – 105 строк. Скоро последует ещё одна, длиной в 95 строк. Это много даже по еврипидовским меркам. Для сравнения: Эсхил редко превышает 20 строк, а самая длинная известная нам стихомифия Софокла составляет 50 строк. По тому, как долго царица разговаривает с незнакомым подростком и как подробно отвечает на его вопросы, в том числе и на личные, видно, что её действительно влечёт к нему что-то, возможно и материнский инстинкт.

⁶⁷ Афина, как известно, девственница.

⁶⁸ В Дельфах, возможно, были картины или другие изображения этого мифа.

⁶⁹ Гея (Земля) дала Эрехтония, рождённого ею от Гефеста, Афине, ранее отвергнувшей этого бога. Афина поручила младенца трём дочерям Кекропа. Их звали Аглавра, Герса и Пандроса. Богиня запретила им смотреть на Эрехтония. Этому запрета послушалась лишь Пандроса. Обе её сестры, увидев младенца, тело которого переходило в змеинный хвост, в ужасе бросились со скалы в пропасть и погибли.

⁷⁰ Когда началась война с Элевсинами, Эрехтей принёс в жертву свою младшую дочь Хтонию, чтобы получить победу. Это условие поставил оракул. Остальные дочери добровольно принесли

Ион   А как же из сестёр одна ты уцелела?
Кр.   Была я на руках у матери младенцем.
Ион   А правда твой отец лежит в земле разверстой?
Кр.   Он посеидоновым трезубцем уничтожен.⁷¹
Ион   И взгорья там стоят, что «Макрами» зовутся?
Кр.   Зачем ты спрашиваешь? Как ты тронул память!
Ион   Их чтит пифийский бог и молнии Пифийца.⁷²
Кр.   Честь, тоже мне! В глаза бы мне её не видеть!
Ион   Как? Ненавидишь ты, что богу всех милее?⁷³
Кр.   Оставь. В пещерах там позорный был поступок.
Ион   Скажи мне, женщина: кто из афинян муж твой?
Кр.   Мой муж не местный, из страны он чужеземной.
Ион   Но кто? Он, верно, благородного рожденья.
Кр.   Супруг мой – Ксуф, потомок Зевса и Эола.
Ион   Но как пришелец на афинянке женился?
Кр.   Есть город близ Афин, по имени Эвбея.
Ион   Как говорят, он окаймлён текучей влагой.
Кр.   Мой муж помог его разрушить Кекропидам.
Ион   Копьём союзным? А потом тебя взял в жёны?
Кр.   Приданным той войны, копья вознагражденьем.
Ион   Ты с мужем или же одна пришла в оракул?
Кр.   Я вместе с мужем. У Трофония⁷⁴ он медлит.
Ион   Как посетитель или ради прорицанья?
Кр.   Его и Феба об одном пытается муж мой.
Ион   Вас урожай интересует или дети?
Кр.   Бездетны мы, хотя уж много лет женаты.
Ион   Ты не рожала и бездетной жизнь проводишь?
Кр.   Феб о бездетности моей всю правду знает.⁷⁵
Ион   Во всём везенье, только тут нет бедной счастья!
Кр.   Но кто ты? Как тебя родившая блаженна!⁷⁶
Ион   Зовусь я, женщина, и есть служитель бога.
Кр.   Дар города иль был хозяином ты продан?
Ион   Одно лишь ведаю, что «Локсиев» зовусь я.⁷⁷

себя в жертву. В этой трагедии Креуса – единственная выжившая дочь. По другим рассказам, у Эрехтея были ещё две дочери, Прокрис и Орития, которые выжили и вышли замуж. В трагедии Еврипида «Эрехтей» убивают лишь одну дочь.

⁷¹ Во время войны Эрехтей убил фракийца Эвмолпа, союзника элевсинцев. Посейдон, его отец, во гневе ударил о землю трезубцем. Земля разверзлась и поглотила Эрехтея. Встречаются и другие варианты этого рассказа.

⁷² Имеется в виду обычай высматривать молнии на горе Парнита. Эта гора находится к северу от Афин и даже теперь покрыта лесами. Когда появлялись молнии, то в Дельфы отправлялось посольство. Во времена Еврипида наблюдательный пункт мог быть не на Макрах, а на Акрополе, с которого Парнита тоже видна.

⁷³ Это было самое древнее и любимое место Аполлона в Афинах.

⁷⁴ Трофоний был провидцем и зодчим из Беотии. По его проекту был построен храм Аполлона в Дельфах. Оракул Трофония находился в городе Ливадия, в Центральной Греции. Даже теперь сохранилась пещера, в которую нужно было спускаться просителям. Расстояние от Ливадии до Дельф – 44,5 км, что по древним временам значительно.

⁷⁵ Оуэн (с. 95): «Ирония здесь сознательна. Креуса имеет в виду: “Феб знает, бездетна ли я или нет”. А хочет она, чтобы Ион так понял её слова: “Феб знает, что я бездетна.”»

⁷⁶ Оуэн (с. 95): «А здесь ирония бессознательна».

⁷⁷ Ион, являясь рабом, не имеет права на законное имя.

Кр. Вот и тебе я, чужеземец, сострадаю!
 Ион Ни мать моя, ни мой отец мне неизвестны.
 Кр. Живёшь ты в храме или в доме по соседству?⁷⁸
 Ион Мой дом – всё божье место, где бы ни заснул я.
 Кр. Ты прибыл в храм ребёнком или же подростком?
 Ион Младенцем, говорили те, кто вроде знает.
 Кр. А молоком какой дельфийки был ты вскормлен?
 Ион Не знал груди я никогда. Меня вырастила...
 Кр. Кто, бедный? Я скорблю, и тут встречаю скорби!
 Ион Я матерью своей считаю жрицу Феба.
 Кр. А как ты вырос? И какой питался пищей?
 Ион Кормился с алтарей, всегда тут ходят гости.⁷⁹
 Кр. Злосчастлива мать твоя, кем быть ей ни пришлось бы...
 Ион Сын женщины я обесчещенной, наверно.
 Кр. Ты здесь накормлен и одет в хороший пеплос.
 Ион Украшен божеством, которому служу я.
 Кр. А ты найти своих родителей пытался?
 Ион Я, женщина, и доказательств не имею...
 Кр. Увы!
 Другая женщина, как мать твоя, страдала!
 Ион А кто она? Приятно бедами делиться.
 Кр. В угоду ей сюда пришла я раньше мужа.
 Ион А в чём нужда? Тебе я, женщина, помощник.
 Кр. Оракул тайный получить от Феба нужно.
 Ион Скажи какой, а я всё прочее устрою.
 Кр. Тогда послушай. Нет, стыдливость не даёт мне!
 Ион Тогда уйдёшь ни с чем. Богиня нерадива.⁸⁰
 Кр. Подруга говорит, что возлежала с Фебом.
 Ион Супругой Феба став? Не надо, чужеземка!
 Кр. Родился сын. Её отец не знал об этом.
 Ион Пустое! Стыдно ей, что смертному попалась.
 Кр. Она твердит, что нет. И так страдает страшно!
 Ион За что страдать ей, коли бог с ней сочетался?
 Кр. За то, что унесла ребёночка из дома.
 Ион Где брошено дитя? Оно свет солнца видит?
 Кр. Никто не знает. Я спросить хочу оракул.
 Ион Но если нет его, то как оно погибло?
 Кр. Мать думает, бедняжку звери разорвали.
 Ион Какое же тому свидетельство имеет?
 Кр. Она вернулась ведь, но не нашла ребёнка.
 Ион А разве были капли крови на тропинке?
 Кр. Нет, говорит. Она всё место исходила.
 Ион А много лет минуло с гибели младенца?
 Кр. Когда бы выжил он, то был бы твой ровесник.
 Ион Что если Феб его воспитывает втайне?
 Кр. Неправ он, радость нашу общую присвоив!

⁷⁸ Имеется в виду один из домов, принадлежащий храму.

⁷⁹ Ион, скорее всего, получал подаяния от посетителей. Пифия тоже давала ему часть еды, которую приносили ей.

⁸⁰ Ион создаёт персонификацию Стыдливости.

Ион   Итак, и бог неправ, и мать не знает счастья!
Кр.   Она другого не смогла родить ребёнка.
Ион   Увы, как слитно наши горести запели!
Кр.   По бедной матери тоскуешь, чужестранец?
Ион   Не заставляй меня крушиться о забытом!
Кр.   Молчу. Но выполни, о чём тебя прошу я.
Ион   А знаешь, где больное место этой просьбы?
Кр.   Ах, где больного места нет у той несчастной!
Ион   Зачем же богу разглашать свои секреты?
Кр.   Но ведь для всей Эллады сел он на треножник!
Ион   Стыдится он. Допытывать его не надо!
Кр.   Томится та, кому досталась эта участь!
Ион   Никто вопрос твой задавать не будет богу.
                Злодеем выставлен в своём же доме, Феб
                даст объявителю отведать огорчений
                и будет прав. Ты это, женщина, оставь.
                Нельзя гадать о том, что божеству противно,
                и мы до крайнего невежества дошли бы,
                богов пытаясь против воли их заставить
                вещать о нежеланном, принося им в жертву
                овец пред алтарём и наблюдая птиц.
                Обязывая нежелающих богов,
                мы нежелательные получаем блага.
Хор   Лишь то поможет, что они дают охотно.
                Есть много смертных в этом мире, много судеб
                различных очертаний, но сплошное счастье
                едва ли кто отыщет в жизни человека!
Кр.   Ты там был, Феб, несправедлив, а ныне – здесь
                к отсутствующей, чьи слова тебя достигли.
                Не спас, как следовало, сына своего
                и матери, хоть прорицатель, не ответишь,
                чтоб, если нет его, почтён он был могилой,⁸¹
                а если есть, был найден матерью своею!
                Мне нужно замысел оставить мой, раз бог
                препятствует узнать мне то, что я желаю.
                Но, чужеземец, вот супруг мой благородный
                подходит, Ксуф. Покинул он уже пещеру
                Трофония. О разговорах наших мужу
                смотри не говори, чтоб не было мне стыдно
                за тайную услугу и чтоб это дело
                не развернулось вопреки моим желаньям.
                Ведь доля женская томительней мужской:
                порядочные перемешаны с дурными,
                мы терпим ненависть. Для скорби родились мы.

---

⁸¹ Т.е. так называемым кенотафом, в данном случае, курганом. Кенотаф (досл.: пустая могила) воздвигался, когда было точно известно, что человек мёртв, но нельзя было найти его тело. Воздвижение кенотафа живому считалось нечестивым делом. Отсюда агония родственников, когда человек пропал без вести.

КСУФ

Сначала бог пусть насладится первым цветом моих приветствий, а потом и ты, жена!

Моя задержка так тебя перепугала?

Кр. Ничуть. Меня застал в смятении ты. Скажи же, какое предсказание дал тебе Трофоний?

Как нашим семенам смешаться детородным?⁸²

Кс. Себя не счёл достойным он опережать вещанья бога, но сказал: ни я, ни ты бездетными оракул этот не покинем.⁸³

Кр. Владычица, мать Феба, сделай наш приезд удачным! Пусть дела, которые мы в прошлом с твоим имели сыном, станут поправляться!⁸⁴

Кс. Конечно, станут! Кто же возвещатель бога?

Ион Я здесь тружусь, снаружи, а внутри сидят вблизи треножника другие, чужестранец, знать Дельф – лишь те, кого указывает жребий.⁸⁵

Кс. Прекрасно! Всё узнал я, что мне нужно было. Пойду теперь вовнутрь. Я слышал, что уже для всех пришедших жертву общую заклали пред храмом.⁸⁶ Я желаю в этот самый день (раз он благоприятен) знать оракул бога.

А ты, супруга, с лавроносными ветвями молись богам у алтарей, чтоб я отцом был наречён, дом Аполлона покидая.

Кр. Всё будет, будет! Локсий, если пожелает, пусть хоть сейчас исправит прежние проступки, он полностью уже не будет нашим другом, но подчинюсь я (ведь он бог) его велениям.

Ион Зачем же эта посетительница вечно ругает бога непонятными словами?

Из-за привязанности к той, о ком гадают?

Утаивая то, что требует молчанья?

Но что за дело мне до дочки Эрехтея?

Она никто мне. К золотым пойду кувшинам и чистой влагою кропильницы наполню.⁸⁷

⁸² В этих словах отражаются представления древних греков о зачатии.

⁸³ Этому можно дать два объяснения: 1) Оракул Трофония уступает по значительности Дельфам, поэтому Трофоний не решается пророчествовать там, где это будет делать сам Аполлон; 2) Трофоний не может сказать Ксуфу всю правду (что Ион – ему не родной сын), и не хочет говорить неправду, уступая это дело Аполлону. Оуэн (с. 101): «Довольно уклончивый ответ подтверждается тем фактом, что Ксуф вернётся с приёмным, а Креуса – с родным сыном». Оуэн потом шутит: «Дельфы, видимо, уже связались по почте с Трофонием».

⁸⁴ «Пусть дела станут поправляться» – в оригинале используется деловая лексика. Джеррам (с. 25): «Креуса, на самом деле, имеет в виду свои отношения с Фебом, однако ей хочется, чтобы Ксуф понял её слова так, будто она ссылается на жертвенные приношения, которые [супруги] вместе принесли богу, о которых она теперь молится, чтобы они дали благотворный результат».

⁸⁵ Из числа дельфийских аристократов избирались пятеро, которые выполняли эту почётную обязанность попеременно.

⁸⁶ Это общая жертва, приносимая для всех посетителей. На основании примет, с ней связанных, день был объявляем либо благоприятным, либо неблагоприятным для вопрошания оракула.

Мне всё же Феба упрекнуть необходимо.
Что это с ним? Насильем девушек склонять
к сожительству? Бросать детей, тайком рождённых,
на гибель беззаботно? Нет же! Власть имея,
ты добродетели преследуй. Если смертный
злодеем стал, его наказывают боги.
Но честно ли для смертных составлять законы
тому, кто сам повинен в полном беззаконьи?
Когда бы (этого не будет, но скажу я)
решили людям за насильственные связи
и ты, и Посейдон, и Зевс, властитель неба,
платить, вы храмы бы свои опустошили!
За удовольствием гоняясь, вы преступно
гнушаетесь благоразумьем. Хватит думать
о людях плохо. Мы бессмертным подражаем
в погоне за добром. Учителей вините.⁸⁸

Хор⁸⁹

Тебя, в муках родильных
не взывавшую к Эйлейфии,⁹⁰
Афины мою, умоляю я,
выпущенную Прометеем-титаном
из самого темени Зевса!⁹¹
И ты, блаженная Ника,⁹²
приди в дом пифийский,
из олимпийских золотых чертогов
прилети к улицам этим,
где Фебов очаг
в самом центре земли,
у треножника, обходимого в танце,

---

⁸⁷ Оуэн (с. 102): «Дельфийским [слугам] <...> давали указания совершать ритуальные омовения в водах Касталии перед тем, как войти в храм <...>. Чаши следовало наполнять для посетителей оракула священной водой из того же источника».

⁸⁸ Джеррам (с. 26-7): «Это вульгарные верования, на которые Еврипид выливает здесь своё презрение. Как (спрашивает он) люди могут почитать существа, которым они приписывают подобное поведение? Говорилось, что выражение такого чувства едва ли совместимо с образом Иона как преданного служителя Аполлона. Впрочем, его уверенность в справедливых делах бога начинает колебаться от рассказа Креусы, и ещё больше от того, что она оставила недосказанным». Мне кажется, что Джеррам усложняет дело. Ион очень юн, вспыльчив и безапелляционен. Он привык думать об Аполлоне как о некоем близком ему существе, и вследствие постоянной работы в священном месте утратил священный трепет. Поэтому он говорит о боге так, как говорил бы о человеке, не понимая, что есть бог и что есть человек. Всё это было бы даже трогательно, если бы те же самые наивность и вспыльчивость не толкали его не только к богохульству, но и к убийству.

⁸⁹ Хоровая партия переведена свободным стихом.

⁹⁰ Эйлейфия – богиня-покровительница рожениц, дочь Зевса и Геры. В оригинале досл.: «Тебя [бывшую], в муках родильных // без помощи Эйлейфии», причём имя богини даётся существительным, образованным от причастия – «ἀνελείφια» (никогда не взывавшая к Эйлейфии). Афина – девственница.

⁹¹ Подробности этого мифа бывают разными. По одной версии, Зевс однажды проглотил Метиду, богиню мудрости, чтобы она не родила сына, который, согласно предсказаниям, превзошёл бы его властью. Через некоторое время Зевс почувствовал страшную головную боль. Гефест ударил Зевса топором по голове, и оттуда появилась Афина. Прометей взял её на руки.

⁹² Крылатая богиня победы.

предсказанья верные изрекает!
Ты и дочь, родившаяся от Латоны⁹³ –
обе девственные богини,
сёстры почтенные Феба.
Умолите его, о девы,
чтобы древний род Эрехтея⁹⁴
долгожданным счастьем в детях
ясные предсказания одарили!

Ведь обильного счастья
запас нетронутый
есть у тех смертных,
в чьих родовых чертогах
плодоносная юность детей
светом лучится,
чтоб наследственное богатство
перенять у отцов
и отдать своим детям.
Она – защита в бедах
и отрада во времена счастья.
Она копьём земле отцовской несёт
спасительную силу.
Прежде богатства и царских дворцов
желаю я обладать
нежной заботой усердных детей.
Бездетная жизнь отвратительна мне
и её ведущего я порицаю.
Вместе со скромным имуществом
да будут в жизни моей прекрасные дети!⁹⁵

О, жилище Пана⁹⁶
и скала, прилегающая
к обильным гротами Макрам,
где ритм отбивают ногами
три дочери Аглавры⁹⁷
на зелёной траве
перед Палладиным храмом,⁹⁸
напевая под изменчивые
всплески свирели,
когда ты играешь, Пан,
в своих пещерах, скрытых от солнца,⁹⁹

---

⁹³ Артемида, дочь Зевса и богини Латоны (Лето), тоже девственница.

⁹⁴ Оуэн (с. 104): «Хор говорит так, будто бы Эрехтей – дальний предок».

⁹⁵ Оуэн (с. 104-5): «Хор, кажется, забывает, что [состоит из] рабов и что они навряд ли достигнут даже этой скромной амбиции. Странно, что они говорят о стремлении к такой жизни, которой у них нет». На мой взгляд, Оуэн слишком педантичен. Хор здесь выражает чувства зрителей, свободных людей.

⁹⁶ Сын бога Гермеса, олицетворение природы, покровитель пастухов. Его имя буквально значит «Всё».

⁹⁷ Аглавра, Герса и Пандроса. Оуэн (с. 105) считает, что их мать звали тоже Аглаврой.

⁹⁸ Девушки танцуют на Акрополе.

где некая девушка, матерью ставшая,¹⁰⁰
бросила ребёнка своего,
пищу Фебовым птицам,
зверям угощенье кровавое,
постыдный плод горестной связи!
Ни за кроснами, ни в разговорах не слышала я,
что счастливы смертные, рождённые от богов.

Ион¹⁰¹   Эй вы, женщины-служанки, подошедшие к ступеням
храма, полного курений, охраняя госпожу,
Ксуф покинул уж оракул и божественный треножник
или в храме вопрошает о бездетности своей?

Хор   Он всё в храме, чужеземец, и пока ещё не вышел,
но, наверное, выходит. Слышим, двери заскрипели.
Вот хозяин появился! Ты его у входа видишь!

Кс.   Здравствуй, сын! Лишь так пристало начинать с тобой беседу.
Ион   Я-то здоров, и ты будь тоже, чтоб мы оба мирно жили.
Кс.   Дай же руку поцелую! Дай сожму тебя в объятьях!
Ион   Здоров ли ты? Твой ум, пришелец, замутнён каким-то богом?
Кс.   Разве плохо целовать нам то, что нам всего дороже?
Ион   Стой, не тронь! Веночек бога изорвёшь своей рукою!
Кс.   Трону! Я ведь не грабитель! Я нашёл своё, родное!
Ион   Уходи, пока тебе я грудь стрелой не продырявил!
Кс.   Ты зачем же убегаешь от своей ближайшей крови?
Ион   Не люблю гостей вульгарных, одержимых вразумлять я!
Кс.   Убивай! Сожги и труп мой!¹⁰² Становись отцеубийцей!
Ион   Как мне быть отцом ты можешь? Не смешно ли это слышать?
Кс.   Нет. Позволь пойти рассказу, и тогда всё станет ясно.
Ион   Что ты мне такое скажешь?   Кс. Я отец тебе, ты сын мой!
Ион   Кто сказал тебе?   Кс. Сам Локсий, моего вскормивший сына!
Ион   Ты ведь сам себе свидетель.   Кс. Я узнал реченья бога!
Ион   Обманулся ты загадкой.   Кс. Разве слуха я лишился?
Ион   Что же Феб тебе поведал?   Кс. Тот, кого я повстречаю...
Ион   Что за встреча, интересно?   Кс. ... выходя из дома бога...
Ион   Что такого с ним случится?   Кс. ... он и есть мой сын родимый!
Ион   Сын твой или дар всего лишь?   Кс. Дар, но мною сотворённый.
Ион   И меня ты встретил сразу.   Кс. Никого, дитя, другого!
Ион   Как же это получилось?   Кс. Удивляемся мы оба!
Ион   Кто же мать моя?   Кс. На это я не знаю, что ответить.
Ион   Феб смолчал?   Кс. Я был так счастлив, что забыл спросить об этом.
Ион   Мать моя – земля, наверно?   Кс. Почва не родит потомства.

---

⁹⁹ В скалах под Акрополем множество небольших пещер.

¹⁰⁰ Креуса.

¹⁰¹ Размер переходит с ямбического trimetra (в переводе – с шестистопного ямба) на trocheический tetrameter. Еврипид пользуется этим размером для взволнованной, быстрой речи в девяти дошедших до нас трагедиях.

¹⁰² Верралл (с. 47): «Проведение погребальных обрядов для родителя было особой обязанностью ребёнка, и это считалось главной причиной того, чтобы иметь детей <...>. В трагедии “Филоктет” (1199) Геракл заставляет своего сына Гилла выполнить эту обязанность <...> на своём ещё живом теле».

Ион Как же сын я твой? Кс. Не знаю, полагаюсь я на бога.
Ион Порассудим-ка иначе. Кс. Этак лучше будет, сын мой.
Ион Был ты в связи незаконной? Кс. Молодым я был и глупым.
Ион Прежде брака с Эрехтидой? Кс. Лишь тогда, потом ни разу.
Ион Значит, в тех краях зачат я? Кс. Время вроде совпадает.
Ион Как же я сюда попал-то... Кс. Я не знаю, что и думать.
Ион ...путь пройдя такой далёкий? Кс. Я и сам не понимаю.
Ион Ты ходил к скале пифийской? Кс. К факельным обрядам Вакха.¹⁰³
Ион Жил ты в доме у проксена? Кс. Он меня в кругу дельфиек...¹⁰⁴
Ион Посвятил, сказать ты хочешь? Кс. Представлял менадам Вакха.
Ион Был ты трезвым или пьяным? Кс. Негой Вакха распалённым.
Ион Вот и всё. Моё зачатье... Кс. ... сын, судьба нам прояснила.¹⁰⁵
Ион Как же в храме я нашёлся? Кс. Видно, девушкой подкинут.
Ион Рабства я избег. Кс. Теперь же обними отца, наследник!
Ион Да, не верить богу дурно. Кс. Наконец ты стал разумным!
Ион И чего ещё мне надо... Кс. Верно смотришь ты на вещи!
Ион ... ведь я сыном сына Зевса буду зваться. Кс. Непременно!
Ион Обниму отца, пожалуй? Кс. Повинуясь воле бога!
Ион Здравствуй же, отец! Кс. Как сладко речь такую мне услышать!
Ион Здравствуй, день, светящий ныне! Кс. Он меня блаженным сделал!
Ион Мать любимая, когда же и тебя я повстречаю?
Я стремлюсь к тебе всё больше, кем бы ты ни оказалась!¹⁰⁶
Может статься, умерла ты, и свиданье невозможно!

Хор¹⁰⁷ Мы разделяем дома этого удачу,
однако мы и нашей госпоже желаем
счастливой в детях быть, и роду Эрехтея.

Кс. Дитя, бог правильно решил, позволив мне
найти тебя. Меня с тобой соединил он,
тебе же дал родню, которой и не знал ты.
Чего по праву жаждешь ты, и я желаю –
чтоб мать свою ты разыскать сумел, мой сын,
и я увидел давшую тебе рождение.
Доверясь времени, её найдём, пожалуй.
Оставь ты землю бога и свою бездомность,
в Афины поезжай, с отцом во всём согласен,
тебя там ждут и счастье, и отцовский скипетр,
и много роскоши. Обоих избежишь ты

¹⁰³ Имеются в виду факельные мистерии в окрестностях Парнаса. Поклонение Дионису было связано с культом Пифийского Аполлона.

¹⁰⁴ Это были свободнорождённые девушки, имевшие право принимать участие в церемонии. Рабы не могли там находиться.

¹⁰⁵ Верралл (с. 49): «Наверное, не будет излишним заметить, что [подобные] непорядки во время богослужения не были частью заявленного религиозного намерения [professed religious intention]». Выражаясь проще, половой акт с вакханкой не был частью поклонения Дионису и оставался на совести того, кто его совершил.

¹⁰⁶ Оуэн (с. 110): «Ион в любом случае хотел выяснить, кто его мать, но теперь [ему этого хочется] как никогда, потому что только в этом случае он избежит от переживаний по поводу своего низкого происхождения». Джеррам (с. 34): «Ксуф должен признать, что, пока мать остаётся найденной, Ион и в самом деле подлежит обвинению в [низком рождении] <...>, однако он [Ксуф] говорит, что престиж *богатства* заставит афинян предать этот дефект забвению и называть его как [благороднорождённым] <...>, так и [богатым] <...>».

¹⁰⁷ Повествование возвращается к ямбическому триметру (шестистопному ямбу).

пороков: низкого рожденья и нужды,
прослыв и благородным, и весьма богатым.¹⁰⁸
Молчишь? Зачем глаза ты в землю опустил,
и в думы весь ушёл, и радость вновь оставил,
зачем в отцовскую ты душу страх вселяешь?

Ион   Теперь мне вещи отдалённые, когда
к ним ближе подошёл я, видятся иначе.
Я происшедшее приветствую, конечно,
ведь я отца нашёл, но выслушай, отец,
мои соображенья.¹⁰⁹ Славный род афинский
не пришлый, говорят, а созданный землёю.
Туда явившись, получу я два пятна,
ведь мой отец – чужак, и сам я – сын внебрачный.
Мишень для порицаний, буду я бессилён
и прослыву везде ничтожеством, нулём.
Пытаясь выбиться в ряды первейших граждан
и кем-то стать, лишь ненавидим буду я
власть неимущими. Что выше их, им горько.
У тех же, кто способны и сильны, но мудро
помалкивают и в дела людей не лезут,
я смех лишь заслужу и славу дурака,
за то, что не молчу в напуганной столице.
Ораторы же городские, коли я
на полномочья их позарюсь, оттеснят
меня голосованьем. Так, отец, бывает.
Ведь те, кто пользуются в городе почётом,
к соперникам своим враждебны чрезвычайно.
Допустим, в дом чужой пришёл я, чужеземец,
к твоей жене бездетной. Та, что разделяла
твоё несчастье, ныне будет обделённой,
свой горький жребий в одиночестве терпя.
И, правда, как же мне не быть ей ненавистным,
когда с тобою встану рядом я, а ей,
бездетной, радость мужа будет видеть горько?
Ты что, меня предашь, почтив супругу, или
мне честь окажешь, уничтожив свой же дом?
Ведь сколько способов убийства, сколько ядов
сыскали жёны, чтоб мужей своих губить!
К тому же мне, отец, твою супругу жалко,
стареющую без детей. Не заслужила
кровь благородная бездетностью страдать.
У тирании, восхваляемой напрасно,

---

¹⁰⁸ Верралл (с. 52): «Ксуф, понимая, что у Иона на уме, делает добросердечную, но грубо ошибочную попытку утешить его, говоря, что его богатство защитит его от оскорблений и обеспечит ему уважение. Если бы он был бедным, *да ещё вдобавок* и незаконорождённым, то это было бы другое дело. А так ему позволят сойти не только за богача, кем он и является, но *также* <...> и за знатного человека. Ион <...> мгновенно опять впадает в мрачное состояние духа».

¹⁰⁹ Далее Ион обнаруживает тонкое понимание политической атмосферы Афин времён Еврипида. Здесь явно сам Еврипид начинает говорить его устами.

фасад приятен, а внутри одна лишь горечь.
 Да разве назовёшь блаженным и счастливым
 того, кто в страхе, в ожидании ножа
 влачит свой век? Да лучше я счастливым буду
 простолудином, чем в тирана превращусь,
 который рад с людьми негодными водиться,
 а дельных ненавидит в страхе быть убитым.
 Ты скажешь, золото всё это перевесит,
 что сладко быть богатым. Что за страсть казну
 под шум хулы стеречь? Не нужно мне терзаться,
 желаю меры я, отсутствия печалей.
 О благах здешних ты послушай же, отец.
 Тут есть досуг, во-первых, друг людей ближайший,
 тут хлопоты посильны, и меня с пути
 злодей не сталкивает, ведь невыносимо
 дорогу уступать тому, кто ниже нас.
 Молясь богам, ведя со смертными беседы,
 я радостным служил гостям, а не скорбящим.
 Одних проводишь, а другие приезжают,
 приятно новым быть лицом среди новых лиц.
 А справедливость, коей следовать нам нужно,
 хоть и невольно, по закону и природе
 всегда со мной, на службе богу. Я считаю,
 что лучше мне, отец, не то, а это место.
 Позволь мне здесь остаться! Радость равномерно
 присутствует в делах возвышенных и малых.
 Сказал ты славно. Значит, милой госпоже
 среди друзей твоих счастливой быть удастся.
 Ну, хватит говорить. Учись благополучью!
 Хочу я там, где я обрёл тебя, дитя,
 устроить общий пир, и всех созвать на праздник,
 и поздней жертвою почтить твоё рождение!
 Теперь я гостем отведу тебя в свой дом
 и услажу обедом, а потом в Афины
 возьму тебя, как посетителя, не сына.
 Я, понимаешь, не желаю огорчать
 жену бездетную своим внезапным счастьем.
 Со временем, как случай выдастся, супругу
 склоню к тому, чтоб ты наследовал мой скипетр.
 Судьбе согласно назову тебя Ионом,
 ведь ты, когда из храма бога выходил я,
 мне первый встретился.¹¹⁰ Толпу друзей зови же
 и, наслаждаясь мясом жертвенных быков,

Хор

Кс.

¹¹⁰ Имя «Ион» (Ἴων) происходит (по Еврипиду) от причастия глагола ἴδμι – «идти», т.е. имя мальчика можно перевести как «Идущий». Ксуф называет его так, потому что Ион первый встретился ему по выходе из храма. Оуэн, ссылаясь на Виламовица-Мёллендорфа (с. 115): «Ксуф пользуется отцовским правом давать имя; он не спрашивает Иона о его прежнем имени, потому что, будучи рабом, тот не имел законного права носить имя». Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff, 1848-1931 – крупный немецкий филолог-классик и историк античной культуры – В.

со всеми попрощайся, Дельфы покидая!
А вам, служанки, я велю хранить молчанье.
Смерть будет тем, кто проболтается супруге!
Ион Пойду. В моей судьбе отсутствует одно лишь:
коль женщину, меня родившую, отец,
я не найду, мне жизнь не в жизнь. И если можно
о том просить, хочу я, чтоб она была
афинянкой¹¹¹ и я имел свободу речи.
Когда чужак в тот чистый город попадает,
пусть на словах он гражданин, его язык
всё рабским остаётся, нет ему свободы.

Хор¹¹² Я предвижу слёзы, и печальные
<восклицания>, и стонов нашествия,
когда моя госпожа узнает,
что муж её был осчастливлен сыном,
а она всё бездетна и оставлена без потомства.
Какое же, сын пророческий Лето,
предсказанье пропел ты?
Откуда мальчик, у твоего храма
вскормлённый, явился? Сын какой из женщин?
Не по душе мне пророчества эти, как бы коварства в них не было!
Боюсь я несчастья,
которое может нагрязнеть.
Странное изречение бога
странные вещи мне сообщает.
Плетёт коварство и хитрость этот ребёнок,
вскормлённый врозь с его кровным родом.
Кто с этим не согласится?

Подруги, а может быть, владычице моей
пронзительно на ухо прокричать,
что муж её, с кем она все надежды
разделяла, несчастная...
Теперь она бредёт к напастям, он же счастлив,
она в седую старость падает, а муж
не проявляет к ней любовного почтения.
Ничтожество! Он с улицы явился в дом
весьма богатый, но не сохранил его достатка.
Да сгинет, сгинет он, так обманувший госпожу мою,
да не выгорит дело его, когда при богах
прекрасно пылающую лепёшку
на огне он жечь вознамерится!¹¹³ Он узнает мою
<преданность госпоже, он поймёт,

---

¹¹¹ Оуэн (с. 115): «В строке 551 он предположил, что мать его была одной из участниц дельфийских “оргий”. В более поздние времена это не помешало бы ей быть афинянкой <...>. Однако могло ли такое быть в эпоху Евр[ипида]?»

¹¹² Партия Хора переведена свободным стихом. Она сохранилась не очень хорошо, и поэтому некоторые места требуют реконструкции.

¹¹³ Яркое пламя жертвенного огня считалось хорошим предзнаменованием.

как я> приязненна к её правленью!
Уже близки к началу нового пира
сын и новый отец его.

О, хребты парнасской глыбы
со скалою, застывшей в небе,
где Вакх, в каждой руке подняв по зажжённому факелу,
ловко прыгает вместе с бродящими ночью вакханками!
Пусть никогда в город мой не придёт этот мальчик,
пусть он, день этот новый покинув, погибнет!
Иначе у города будет предлог для стенаний –
нашествие чужеземцев! <Уже ведь прогнал
от наших стен иноязычную свору, мощное войско>
собрав, прежний наш повелитель,
царь Эрехтей.

Кр. Наставник старый Эрехтея, моего
родителя, когда тот жил ещё на свете,
ты поднимись теперь в божественный оракул,
порадуйся со мною, если Локсий-царь
рождение детей нам предсказать изволил!
Приятно с близкими людьми делить удачу.
Но если, боже упасти, придёт беда,
то в благосклонные глаза смотреть отрадно.
Я госпожа твоя, но ты мне как отец,
и я люблю тебя, как ты отца когда-то.

СТАРИК

О дочь моя, достойные достойных предков
обычай ты соблюдаешь, не срамя
свой славный род, рождённый в древности землёю!
Тяни, тяни меня, веди меня до храма!

Тропа к оракулам крута, так стань моей
непрочной старости врачующей опорой!

Кр. Иди за мной! Смотри, куда ты ногу ставишь!

Ст. Вот так!

Влачатся ноги, ум же просится вперёд!

Кр. На палку обопрись. Извилиста дорога.

Ст. Слепа и палка, если глаз мой близорук.

Кр. Ты прав. Но не сдавайся, побори усталость!

Ст. Желание-то есть, но силы нет совсем!

Кр. Эй, женщины, у челноков моих и кросен

мне верно служащие! Есть ли у супруга

надежда на детей, цель нашего приезда?

Ответьте! Сообщив о чём-нибудь хорошем,

вы не забывчивой хозяйке угодите.

Хор О боже!

Ст. Не радостно звучит вступленье к вашей речи.

Хор О бедная!

Ст. Оракулы господ и мне сулят несчастье?

Хор Ай-ай! Что делать нам? Ведь наказание – смерть!
 Кр. Вы что за песнь поёте, вы чего боитесь?
 Хор Сказать ли? Промолчать ли? Как нам поступить?
 Кр. Сказать! Тут весть плохая, видно, мне готова.
 Хор Тогда скажу, пусть даже дважды я умру!
 Не суждено тебе, владычица, в объятьях
 сжимать детей, не суждено давать им грудь!
 Кр.¹¹⁴ Умереть бы сейчас!
 <Ст.> Дочь моя! <Кр.> Ах, я бедная!
 Что за горе выпало мне, что за беду испытала я!
 Так жить невыносимо, подруги!
 Я погибла! <Ст.> Дитя!

Кр. Ай-ай! Ай-ай!
 Сквозная боль поразила меня
 вовнутрь, в самые лёгкие!

Ст. Ты не стнай, пока... Кр. Уже ведь льются слёзы!
 Ст. ... мы не узнаем... Кр. Что за весть должна узнать я?
 Ст. ... не разделяет ли с тобою наш хозяин
 несчастье это или ты одна страдаешь!

Хор Ему, старик, ребёнка Локсий даровал,
 и он теперь ликует от жены отдельно!

Кр. О новой беде ты вещаешь, вещаешь, на крайнее горе
 возлégшей, как тут не стенать!

Ст. Что бог прорёк: от некой женщины родится
 ребёнок этот или он уже рождён?

Хор Дал юношу уже подростого вполне
 её супругу Локсий! Я была при этом!

Кр. Ты что говоришь? Что за страшные, страшные, неговоримые
 слова ты кричишь мне!

Ст. И мне! Однако как исполнился оракул,
 яснее растолкуй. И кто ребёнок этот?

Хор Того, кого супруг твой первого увидел,
 спеша из храма, бог ему назначил сыном!

Кр. О-то-то-то-той!¹¹⁵ Говоришь, я бездетной, бездетной
 всю жизнь провлачу, проживу в запустении,
 в комнатах сирых!

Ст. О ком оракул был? В чей след поставил след
 муж этой бедной? Как и где они видались?

Хор Ты помнишь юношу, любимая хозяйка,
 что в храме подметал? Вот это он и есть.

Кр. Улететь бы по эфиру влажному
 далеко от земли Элладской к западным звёздам,
 такое, такое несчастье я испытала, подруги!

Ст. А вам известно, как его назвал отец?
 То тайна, может? Или нет ещё решенья?

Хор Назвал «Ионом», ведь отца он встретил первый.

¹¹⁴ В продолжение этого обмена репликами (до ближайшей речи Старика) Креуса поёт, а Старик говорит обычным ямбическим триметром (в переводе – шестистопным ямбом).

¹¹⁵ Восклицание горя (в рукописи – «òтотототої»), встречается также в «Фаэтоне» и «Андромахе». Здесь оно слегка сокращено редакторами из соображений размера.

- Ст. Кто мать его? Хор Я не могу тебе ответить.
Но муж её, теперь ты знаешь всё, старик,
в честь сына жертву принести пошёл и тайно
в шатре священном¹¹⁶ день его рожденья справить,
с наследником пируя новообретённым!
- Ст. Ах, госпожа! Нас предали (мне тоже больно)!
Над нами муж твой так злодейски надругался,
и нас теперь из Эрехтеева дворца
прогонят! Я не с ненавистью говорю
к хозяину, но с большею к тебе любовью.
Женившись на тебе, войдя пришельцем в город,
и дом он твой, и всё имущество присвоил,
а плод, ребёнка, взял у женщины другой
секретно. Я тебе секрет сейчас раскрою.¹¹⁷
Поняв, что ты бесплодна, не был он готов
тебе подобным быть, твой жребий разделяя,
нашёл рабыню, тайно с нею сочатался,
ребёнка же послал какому-то дельфийцу
на воспитанье. Вырос тот, бродя у храма,
как жертвенная тварь, чтоб не было огласки.
Узнав, что сын подрос, муж убедил тебя
сюда наведаться с вопросом про бездетность.
Не лгал нам бог, но лгал нам этот человек.
Давно растя ребёнка, план такой он выплел:
коль обличат его, на бога всё валить,
а дома, ослабляя времени пытливость,
всю власть над государством сыну передать.
Ему он позже имя новое придумал –
Ион. Мол, мальчик сам пошёл к нему навстречу.¹¹⁸
- <Хор>¹¹⁹ Ох, до чего же мне противны злые люди,
несправедливость затевающие, козни
плетушие! Пусть лучше честный дуралей
мне другом будет, чем подонок многоумный!

¹¹⁶ Хор откуда-то знает, что праздник будет в шатре. Позже Старик будет говорить о том, чтобы прокрасться в «дом», как будто бы он позабыл слова Хора. Если только под словом «дом» («δῶμος») здесь не имеется в виду помещение вообще, то возникает противоречие. Об этом Оуэн говорит так (с. 125): «Хор ничего не слышал о шатре, который не упоминается вплоть до речи Вестника. В[иламовиц]-М[ёллендорф] считает, что эта речь могла быть сочинена поэтом раньше. В[ерралл] говорит, что шатёр мог подразумеваться, если знать общий обычай. Однако Хор вряд ли мог знать о том, что делалось в Дельфах, или о том, что Ион собирался воспользоваться храмовой собственностью. Возможно, это ошибка, допущенная Евр[ипидом] по невнимательности».

¹¹⁷ Старик начинает нагнетать напряжение, выдумывая свою версию событий и выдавая её за истину. Осознавая трагичность ситуации, он явно наслаждается своей внезапно значительной ролью. Оуэн (с. 125): «Он выдумывает, никак не поправляемый Хором, слышавшим, что сказал Ксуф (546). Его версия к тому же неубедительна, потому что, если бы Ион родился после замужества Креусы, то он был бы моложе своего настоящего возраста». В ответ Оуэну можно сказать, что в таком взведённом состоянии герои вряд ли способны мыслить здраво и заниматься арифметикой.

¹¹⁸ Эта строка и предыдущая иногда удаляются редакторами, как подложные.

¹¹⁹ Эти четыре строки приписываются Хору редакторами. В рукописи эти строки принадлежат Старика. Читатель тоже может считать их частью речи Старика.

<Ст.> А вот и самое чудовищное зло:
без матери, без положенья, сына некой
рабыни привести хозяином в твой дом!
Простым бы было зло, коль сына благородной
он матери вселил бы, с твоего согласия,
раз ты бездетна. Если же тебе то горько,
то лучше бы в роду Эола он женился.¹²⁰
Ты вот что, поступи, как женщине пристало.
При помощи меча, какой-нибудь уловки,
настоев ядовитых уничтожь супруга
и отпрыска, пока тебя не умилили!
Бездействуя, ты точно с жизнью разлучишься.
Коль два врага сошлись под кровлею одной,
то одному из них несдобровать придётся.
С тобою я желаю тоже поработать
и вместе мальчика прикончить, в дом¹²¹ прокравшись,
где он готовит пир, свой долг отдать владельцам
и либо сгинуть, либо жить, любуясь солнцем!
Единственная вещь приносит стыд рабам –
их имя. В остальном ничуть людей свободных
не хуже раб, который сердцем благороден.
Хор И я, любимая хозяйка, в этом горе
помочь хочу, погибнув или с честью выжив!¹²²

Кр.¹²³ О душа моя, как промолчать мне?
Как же высветить брак этот мрачный,
как избавиться мне от позора?

На пути моём что за помеха?
В добродетели с кем я тягаюсь?
Не предателем стал ли супруг мой?
И детей я, и дома лишилась.
Прочь надежды на то, что достойно
всё уладится! Не получилось,
хоть о связи молчала
и о родах, обильных слезами.
Троном Зевса клянусь многозвёздным,
наши горы хранящей богиней¹²⁴
и Тритонского озера¹²⁵ пышным

---

¹²⁰ Ксуф был сыном Эола.

¹²¹ Старик, разумеется, не знает, что праздник будет в шатре.

¹²² В данном случае восклицание Хора, скорее всего, риторическое. Хор почти никогда не вмешивается в действие трагедии.

¹²³ Начинается монодия Креусы, написанная и переведённая анапестом. Следует, впрочем, помнить, что древнегреческий анапест не такой строгий, как русский.

¹²⁴ Креуса имеет в виду невысокие горы в Афинах и богиню Афину, хранящую свой город.

¹²⁵ Оуэн (с. 128): «Афина взяла своё имя Τριτογένεια [Тритогефия], по античному объяснению, от озера в С[еверной] Африке, где она родилась <...> или где <...> впервые спустилась [на землю] после того, как вышла из головы своего отца [Зевса – В.]. <...> Есть [также] запись традиции, согласно которой Афина была дочерью Посейдона и Тритонского озера». Тритонское озеро мифологично, и версии о его местонахождении расходятся.

побережьем лазурным:
эту связь из груди я исторгну,
хватит прятаться, легче ведь станет!
Истекают из глаз моих слёзы,
исстрадалась душа от зловердства
и людей, и богов поднебесных!
Вот сейчас обличу я
всех предателей брачного ложа!

На кифаре играющий звонкой,
семиструнной, и рогом бездушным
создающий прекрасные песни,
гимны музам, звучащие стройно,
порицанье тебе, сын Латоны,
под лучами светила скажу я.
Подошёл ты ко мне, златовласый,
собирала я в пазуху платья
лепестки, чтоб украситья после
златосветлою¹²⁶ их желтизною.
Стиснув рук моих белые кисти,
ты увлёл меня к ложу, в пещеру,
хоть надрывно кричала я: «Мама!»
Так, бессовестный бог,
мне супругом ты стал,
развлекаясь в угоду Киприде.
Родила я, несчастная, сына
и, страшась гнева матери, к ложу
возвратилась, ребёнка покинув
там, где слился на бедной постели
на беду ты с несчастной.
Горе мне! Птицам хищным
стал украденной пищей
мой ребёнок и твой!¹²⁷
Ты же, дерзкий, бренчишь на кифаре
и пэаны¹²⁸ поёшь!
Эй, услышь, сын Латоны,
прорицатель спешащих
к золотистому трону¹²⁹
и седалищам в центре земли!¹³⁰
Обращаюсь я к свету дневному:¹³¹

---

¹²⁶ «Златосветлая» – точный перевод (хотя возможны и другие варианты) древнегреческого «*χρυσανταυυής*». В словаре Дворецкого: «отсвечивающий золотом». В словаре Вейсмана: «блистающий золотом». Анненский не переводит это замечательное слово, говоря просто: «цветы золотые». Оуэн (с. 129): «[Это слово] подозревалося напрасно <...>. Потребовался бы очень поэтичный переписчик, чтобы произвести такое прекрасное слово».

¹²⁷ Обратите внимание: сначала Аполлон спас Иона от участи быть съеденным птицами, а теперь Ион отгоняет птиц от храма Аполлона.

¹²⁸ Пэан – лирическая песнь (обычно хоровая) в честь божества, в том числе и Аполлона. В данном случае бог, по-видимому, сам поёт посвящённые ему песни.

¹²⁹ Золотой трон был поставлен в оракуле царём Мидасом в VII в. до н. э.

¹³⁰ По представлениям древних, Дельфы находились в самом центре земли.

эх, сожитель негодный!
Никакого добра от супруга
моего не выдав,
ввёл ты в дом его сына,
а ребёночек наш неизвестный
стал добычею птиц, из пелёнок
домотканых, у матери вырван!
Ненавистен ты Делосу, лавру
и роскошно раздавшейся пальме,¹³²
где Латона плод Зевса явила
в содроганьях священных!

Хор Увы, нам открывается бездонный кладезь
несчастий, от которых всякий зарыдает!
Ст. О дочь, не нагляжусь я на твоё лицо.¹³³
Совсем я заплутал! Не знаю, что и думать!
Едва волну напастей вычерпаю в сердце,
как снова мне корму слова твои вздымают!
Произнося их, ты от нынешнего горя
к другим уходишь бедам по дороге чёрной.
Что говоришь ты? В чём ты Локсия винишь?
Кого ты родила? Где труп, зверям приятный,
ты в городе бросала? Расскажи мне снова!
Кр. Стыжусь тебя, старик, однако всё раскрою.
Ст. Страдать с друзьями я умею благородно.
Кр. Так слушай! Макры ведь, киклоповые взгорья,
с пещерой, обращённой к северу, ты знаешь?
Ст. Да, знаю. Рядом храм и алтари для Пана.
Кр. Там я сразилась в ужасающем сраженьи.¹³⁴
Ст. Каким? На твой рассказ мои ответят слёзы.
Кр. Невольно связана несчастным браком с Фебом.
Ст. О доченька моя! Не это ль я заметил?¹³⁵
Кр. Не знаю. Но откроюсь, если скажешь правду.
Ст. Тайком стонала от болезни ты неясной.
Кр. Вот эти беды я тебе и проясню.
Ст. А как ты утаила брак свой с Аполлоном?
Кр. Родив ребёнка. погоди, старик, послушай!
Ст. Но где? Кто принял роды? Ты одна страдала?
Кр. Одна, в пещере, где я браком сочеталась.
Ст. А где дитя, чтоб не была и ты бездетной?
Кр. Мертво, старик! Дано зверям на растерзанье!
Ст. Мертво? Злой Аполлон ему не стал защитой?

---

¹³¹ Аполлон, бог-солнце, отождествляется здесь с дневным светом.

¹³² Делос, лавр, пальма. Верралл (с. 77): «Когда Латона рожала на Делосе Аполлона и Артемиду, [из земли] выросли пальма и лавр, чтобы стать навесом над ней».

¹³³ Так в рукописи. Некоторые комментаторы предлагают следующее исправление: «О дочь, я с жалостью гляжу в твоё лицо». Читатель может выбрать тот вариант, который ему больше нравится.

¹³⁴ Креуса имеет в виду свою попытку отбиться от напавшего на неё Аполлона.

¹³⁵ Старик тогда подозревал, наблюдая за Креусой, что она беременна.

Кр. Не стал. Растёт ребёнок в доме у Аида.
 Ст. Кто бросил мальчика? Не ты сама, конечно?
 Кр. Сама, во тьме ночной, завёрнутого в пеплос!
 Ст. Кто знал ещё о том, что брошен был младенец?
 Кр. Об этом ведали Несчастье лишь и Скрытность.¹³⁶
 Ст. Но как посмела ты дитя в пещере бросить?
 Кр. Как? Из рта потоки жалоб изливая.
 Ст. Увы!
 Дерзка отвагой ты, но бог намного дерзче.
 Кр. Ты видел бы, как мой малыш ко мне тянулся!
 Ст. Грудь хотел он или на руки просился?
 Кр. Туда, откуда изгнан был несправедливо.
 Ст. Но как решилась ты ребёночка отвергнуть?
 Кр. Я думала, что бог спасёт своё потомство.
 Ст. Увы, вот буря и сломала счастье дома!
 Кр. Зачем, старик, покрыл ты голову и плачешь?
 Ст. Тебя с отцом твоим несчастными я вижу.
 Кр. Таков людской удел. Ничто не постоянно.
 Ст. Но хватит жалобами, дочка, упиваться.
 Кр. Что остаётся мне? Беспомощно несчастье.
 Ст. Сначала ты с преступным богом рассчитайся.
 Кр. Но как мне, смертной, с высшей силою тягаться?
 Ст. Спалí огнём священный Локсиев оракул!
 Кр. Боюсь я. Мне и так хватает злоключений.
 Ст. Тогда посильное сверши. Убей супруга!
 Кр. Стыжусь я этого, ведь брак наш был достойным.
 Ст. Тогда убей тебе навязанного сына!
 Кр. Но как? Возможно ли? Ах, как бы мне хотелось!¹³⁷
 Ст. Вооружи своих прислужников мечами!
 Кр. Я так и сделаю. А где случится это?
 Ст. В шатрах священных, где друзей он угощает.
 Кр. Раскроется убийство, а рабы трусливы.
 Ст. Как ты слаба! Давай, сама решай, что делать!
 Кр. Один есть способ, и коварный, и надёжный.
 Ст. И в том, и в этом я тебе слугою стану!
 Кр. Так слушай! Знаешь ты о битве Землеродных?¹³⁸
 Ст. Да, знаю. На богов пошли гиганты в Флегре.¹³⁹
 Кр. Там Гея родила ужасную Горгону.¹⁴⁰
 Ст. Чтоб сыновьям помочь и дать богам работы.

¹³⁶ Несчастье и Скрытность здесь персонифицируются.

¹³⁷ Обратите внимание на то, что сама мысль о том, чтобы убить мальчика, Креусе несколько не отвратительна. Она боится лишь того, что ей могут сделать за это. В древности убийство врага не считалось плохим поступком. Наоборот, это возводилось в добродетель.

¹³⁸ Имеется в виду неудачное нападение Гигантов на небо с целью свержения богов. Гиганты – сыны богини земли Геи, поэтому и называются «Землеродными».

¹³⁹ Флегрейские поля (Phlegraei Campi, τὰ Φλεγμαία πεδία, ή Φλέγμα, «выжженная земля») – в древнегреческой мифологии вулканический край, где произошла Гигантомахия (битва с Гигантами). У древних не было единого мнения по поводу того, где точно находились мифологические Флегрейские поля. Называлась то Македония, то окрестности Везувия.

¹⁴⁰ Еврипид приводит нетрадиционную версию мифа, смешивая рассказ о Гигантомахии с рассказом об убийстве Медузы Горгоны Персеем.

Кр. Всё так. Её Паллада, Зевса дочь, убила.
 Ст. Не этот ли рассказ давным-давно я слышал?
 Кр. Афина кожей монстра груди покрывает.
 Ст. Зовут эгидой облачение Паллады?¹⁴¹
 Кр. За то, что ринулась она на бой бессмертных.
 Ст. Но что за дикий вид у этого наряда?
 Кр. Нагрудник, оснащённый кольцами ехидны.
 Ст. Но как же, дочка, повредит врагам всё это?
 Кр. Ты Эрихтония, старик, не знаешь разве?
 Ст. Он первый предок ваш, землёю порождённый?
 Кр. Когда родился он, ему дала Паллада...
 Ст. Какую вещь дала? Не медли, говори же!
 Кр. Две вытекшие из Горгоны капли крови.
 Ст. Как действуют они на тело человека?
 Кр. Одна убьёт, другая вылечит болезни.
 Ст. А как на детском теле капли он оставил?
 Кр. В браслете золотом. Его носил отец мой.
 Ст. Отец твой умер, и тебе браслет достался?
 Кр. Да, мне. Ношу его всегда я на запястьи.
 Ст. Но как же двойственный богинин дар устроен?
 Кр. Та кровь, что вытекла из поллой вены¹⁴² монстра...
 Ст. Что делать с ней? Какая сила в ней таится?
 Кр. ... болезни гонит прочь, содержит пищу жизни.
 Ст. Ты номер два упомянула. Что он может?
 Кр. Он убивает. Это яд гадюк Горгоны.¹⁴³
 Ст. Ты капли смешанными носишь или порознь?
 Кр. Раздельно. Злое с добрым несоединимы.
 Ст. Любимейшая дочь, ты всё уже имеешь!
 Кр. Вот мальчик и умрёт. А ты убийцей станешь.
 Ст. Но где и сделав что? Скажи, а я отважусь!
 Кр. В моём дворце, когда в Афины он приедет.
 Ст. Нет, плох твой план, и ты ведь мой не одобряешь.
 Кр. Как ты сказал? Моё ты делишь опасенье?
 Ст. Убийцей прослывёшь, не совершив убийства.
 Кр. Всё верно. Мачехи – враги потомству мужа.
 Ст. Ты здесь убей, где отрицать убийство можно.
 Кр. Заранее я предвкушаю наслажденье!
 Ст. Обманешь мужа там, где он в обман пустился!
 Кр. Ты сделай вот что. Ты с моей руки возьми
 браслет Афинин золотой, предмет старинный,
 пойди туда, где муж тайком приносит жертву.

¹⁴¹ Эгида или эгид (αἰγίς, «буря, вихрь») – щит Зевса, по некоторым преданиям, сделанный Гефестом из шкуры мифической козы Амалфеи; считалось, что этим щитом Зевс вздымает грозные бури. В центре щита была прикреплена отрубленная голова горгоны Медузы. Эгида был а также атрибутом Аполлона и Афины. В описаниях статуй Афины слово «эгида» с закрепленной головой Медузы, как правило, относится не к круглому щиту, а к надеваемому на тело доспеху-оплечью, которое действительно порой выглядит сделанным из козьей шкуры. Это позволяет сделать предположение, что на самом деле это слово изначально не являлось названием щита.

¹⁴² *Sava vena*, возвращающая кровь к сердцу (объяснение Оуэна).

¹⁴³ Лицо Горгоны было окружено живыми гадюками.

Когда обед закончат и начнут богам
готовить возлиянья, спрячь браслет под пеплос
и капни в чашу молодого человека,
его лишь одного, питьё других не трогай,
пусть выпьёт жаждущий царить в моих чертогах.

Ст. Смочив тем ядом горло, он уж не приедет
в Афины славные! Скончается на месте!
Ты в дом друзей пока направь свои стопы,
а я исполню мне назначенное дело.
Вы, ноги старые, ступайте и в работе
найдите юность, вопреки своим летам!
Идите на врага и с госпожою вместе
убейте, выбросьте захватчика из дома!
Пускай счастливы почитают благочестье,
когда же хочешь навредить своим врагам,
пусть никакой закон пути не преграждает!¹⁴⁴

Хор¹⁴⁵ Энодия,¹⁴⁶ дочь Деметры,¹⁴⁷
владычица ночных привидений,
ты и при свете дневном
наполни кратёры,
приводящие к тягостной смерти,
для тех, кому госпожа, госпожа моя посылает
капли из вскрытого горла землеродной Горгоны,
против того, кто Эрехтеидовым
домом овладевает –
пусть никакой пришлец
не царствует в городе,
кроме благородных Эрехтеид!

Но если не выйдет убийство и напрасны
старания госпожи, если случай не поддержит отвагу,
ныне надеждой несомую,
то она либо меч заострённый возьмёт,
либо в пётлю проденет горло,¹⁴⁸

---

¹⁴⁴ Оуэн (с. 138): «Было бы несправедливо по отношению к Евр[ипиду] вменять ему в вину цинизм этих строк, хотя он [цинизм – В.] и выражает отношение к морали, обычное во времена [Еврипида]. В действительности сама Креуса, от чьего имени высказываются эти не опровергаемые [ею] взгляды, очень скоро станет жертвой их применения на деле». Джеррам согласен с Оуэном (с. 54): «Доктрина, выраженная здесь, не должна считаться принадлежащей самому поэту <...>. Однако она представляет собой распространённое мнение в его эпоху и драматически подходит характеру Педагога».

¹⁴⁵ Хор переведён свободным стихом.

¹⁴⁶ Энодия (Εἰνοδία, досл. Придорожная). Оуэн (с. 138): «Богиня перекрёстков, называемая так потому, что её изображение помещалось в подобных местах или же из-за ощущения того, что в них было нечто особенно таинственное. Здесь она отождествляется с Персефоной или Корой, дочерью Деметры». Перекрёсток – это выбор дороги, и от этого выбора вполне может зависеть дальнейшая судьба человека. Неудивительно, что древние придавали перекресткам мистическое значение.

¹⁴⁷ Деметра (Δημήτηρ) - богиня плодородия, покровительница земледелия.

¹⁴⁸ Джеррам (с. 55): «Греки считали самоубийство добродетелью. Повешение, как вид смерти, подвергалось, однако, нареканию, как мешающее исхождению [души]».

страданиями страдания завершая,
спускаясь в иное обличье жизни –
ведь пришлецов чужеземных,
правлящих родом её,
она никогда не потерпит, покуда жива
под сияющими лучами,
рождённая в благородном доме!

Я стыжусь богатого гимнами бога,¹⁴⁹
если у струй Каллихоровых¹⁵⁰
неспящий юнец¹⁵¹ на двадцатые сутки¹⁵²
ночной факел зрителей увидит,
когда сам звёздный эфир Зевсов
начинает в хороводе кружиться,
и танцует луна
и пятьдесят дочерей Нерей,¹⁵³
в пучине морской
и завихренях вечнотекущих рек
водящих свои хороводы,
почитая златовенчанную деву¹⁵⁴
и мать досточтимую¹⁵⁵ –
а над этим надеется властвовать,
в дело других вторгшись,
Фебов бродяга!

Смотрите, вы все, с нескладными гимнами
идущие вниз по дороге музы,
воспевая наши постели
и Кипридовы связи, преступные, нечестивые,
насколько мы благочестием превосходим
неправое семя мужчин!
Пусть пение вспять обратится
и нескладная муза пойдёт на мужчин
за их любовные связи!
Ведь потомок Зевсовых сыновей

---

¹⁴⁹ Оуэн (с. 140): «Я нахожу трудным согласиться с тем <...>, что бог, [подразумеваемый] здесь – Аполлон <...>. Большинство редакторов, я думаю, правильно, считают, что этот бог – Иакх [Ἰακχός, культово-мистическое имя Диониса – В.]».

¹⁵⁰ Каллихор (Καλλιχόρος) – священный источник близ Элевсина. Его название означает «с прекрасными плясками/хороводами. Источник был так назван потому что по традиции вокруг него танцевали женщины.

¹⁵¹ Ион, принимающий участие в ночных празднествах. Присутствие чужака при этом священнейшем действе было бы оскорблением божества.

¹⁵² Имеется в виду двадцатый день Боедромий (τά Βοηδρομια), праздника Аполлона в Афинах, на шестой день месяца боедромиона (сентябрь-октябрь), сопровождавшегося торжественной процессией в Элевсин (Великие Мистерии праздновались с пятнадцатого по двадцать третье число). Двадцатый день был самым торжественным днём мистерий. Месяц боедромион, название которого можно перевести как «бегущий на помощь», был связан с Ионом и помощью, который он оказал Афинам в их войне с Эвмолпом, основателем элевсинских мистерий.

¹⁵³ Морские божества, дочери Нерей и океаниды Дориды.

¹⁵⁴ Персефону.

¹⁵⁵ Деметру.

проявляет неблагодарность,
он общую прибыль детей
для дома не породил
с госпожой, но другой Афродите¹⁵⁶
оказав предпочтение,
незаконным сыном разжился!

СЛУГА

Эй, жёны славные,¹⁵⁷ где дочь Эрехтея,
моя владычица? Весь город я оббегал,
ища её, но так нигде и не увидел!

Хор А что стряслось, друг-раб? Зачем такое рвенье
в ногах твоих, что за известие несёшь ты?

Сл. На нас охота! Власти местные хотят
найти хозяйку и побить её камнями!¹⁵⁸

Хор Ой-ой! Что скажешь ты? Неужто нас поймали,
убийство тайное готовящих ребёнку?

Сл. Всё так! И ты разделишь горе не последней.

Хор Но как же наши козни тайные раскрылись?

Сл. Несправедливое повергла справедливость.
Бог всё изобличил, пятнаться не желая.

Хор Как это было? Расскажи мне, умоляю!
Со знаньем легче встретить гибель, если нужно,
и радостней на белом свете оставаться.

Сл. Божественное прорицалище покинув,
дарованного сына муж Креусы, Ксуф,
отвёл на пир, где он богам готовил жертвы,
а сам пошёл туда, где пламя Вакха скачет,

¹⁵⁶ Здесь «другая Афродита» = «другая любовная связь».

¹⁵⁷ В оригинале – «κλειναὶ γυναῖκες». Дословно «κλειναὶ» означает «знаменитые, славные (т.е. стяжавшие славу)». Это странный эпитет применительно к рабыням. Оуэн (с. 142): «Неподходящее прилагательное можно объяснить, лишь предположив, что в своём взволнованном состоянии он не узнаёт служанок, однако странно, что впоследствии он не упоминает о своей ошибке. Мы не можем предположить, что, поскольку [слово] κλειναὶ было обычным эпитетом Афин, то он мог применяться и к афинским женщинам, а уж тем более к рабыням». Джеррам (с. 58): «Эпитет κλειναὶ, если он подлинный, подразумевает, что слуга в спешке сначала не узнал в женщинах рабынь, принадлежащих той же семье, что и он, а принял их за “свободных женщин” Дельфы. В ином случае он [эпитет – В.] был бы неуместным». Были предложены разные замены этого прилагательного – ещё одно свидетельство того, что многие комментаторы предпочитают убирать загадочные слова, а не пытаться в них разобраться. Оуэн, правда, выдвигает интересную гипотезу о том, что это слово относится к Креусе, и взволнованный Слуга просто поставил его не на место. И я, со своей стороны, могу выдвинуть две гипотезы. Первая: менее распространённое значение слова «κλειναὶ» – «хорошо известные». Слуга хорошо знаком с этими рабынями и поэтому так их называет. Вторая гипотеза: Слуга восхищается поступком Креусы и её слуг, поэтому он так выражает своё восхищение перед этими женщинами. К счастью, у нас в языке есть слово «славные», которое сочетает в себе оба значения («снискавшие славу» и «доблестные, хорошие»), поэтому проблема, испытываемая англичанами, нас не касается.

¹⁵⁸ Оуэн (с. 143): «Слуга говорит, что Креусу должны побить камнями, и Хор понимает его именно так (1237); однако Ион (1268) говорит, что она должна быть сброшена с утёса. Мы можем примирить оба утверждения, предположив одно из двух: (1) что её сперва должны побить камнями в виде пытки, а затем её тело, живое или мёртвое, должны швырнуть вниз с утёса, или (2) что её сначала швырнут вниз, а потом сверху забросают камнями».

чтоб кровью жертвенной, в честь лицезренья сына,
 дионисовы пики окропить двойные.¹⁵⁹
 Сказал он: «Ты, дитя, будь здесь и проследи,
 чтоб плотники шатры как должно натянули.
 Коль, жертвуя богам рожденья,¹⁶⁰ задержусь я,
 пусть потчевать друзей пришедших начинают».
 И, взяв телят, ушёл. А юноша пристойно
 бесстенные ещё окружности шатров
 шестью закрепив, надёжную защиту
 от солнечных лучей и пламенного полдня,
 и меркнущего дня, в котором тает жизнь,
 плетровые¹⁶¹ отмерил стороны квадрата,
 имеющего площадь в десять тысяч футов,¹⁶²
 как выразиться математики могли бы,¹⁶³
 чтоб весь дельфийский люд на пиршество позвать.
 Он из сокровищниц священные взял ткани,¹⁶⁴
 расправил их, на заглядение смотревшим.
 Сначала крышу затянул крылом накидки,
 которую когда-то Зевсов сын, Геракл,
 принёс в дар богу, отобрав у амазонок.
 На ней такие были вытканы картины:
 Уран в эфире собирает звёзды кругом;¹⁶⁵
 коней мчит Гелиос к последнему огню
 и за собой влечёт свет Геспера¹⁶⁶ лучистый;
 Ночь в чёрном пеплосе несётся в колеснице
 без пристяжных,¹⁶⁷ а звёзды следом за богиней;
 идут Плеяды¹⁶⁸ с меченосцем-Орионом¹⁶⁹

¹⁵⁹ Парнас, священная гора, на чьем южном склоне находится дельфийский оракул, имеет две вершины – Тифорею и Ликорею (теперь – Лиокура). Оуэн (с. 144): «Строго говоря, одна скала была посвящена Дионису, а другая Аполлону».

¹⁶⁰ Аполлону и особенно Вакху (Дионису).

¹⁶¹ Плетр (πλέθρον) – единица длины, равная примерно 31 м.

¹⁶² Греческий ионический фут = 0,308 м. Этот шатёр был в форме квадрата, сторона которого равнялась 100 футам, т.е. 30,8 м. Площадь шатра, таким образом, равнялась 948,64 м². У нас нет сведений о численности населения Дельф во времена Еврипида, поэтому неизвестно, мог ли шатёр такого размера вместить всех приглашённых. На пир могли быть позваны только знатные горожане-мужчины.

¹⁶³ Он бахвалится своими познаниями, плохо понимая, что для слушателей речь идёт о жизни и смерти.

¹⁶⁴ Оуэн (с. 145): «Ион – [ключник] <...>, и поэтому может пользоваться храмовым имуществом, однако кажется странным, что оно могло быть использовано для такого неофициального события, как пир Ксуфа». Мне кажется, здесь Еврипид тонко льстит афинским зрителям, намекая на то, что Афины и их цари уже в древности вызывали такое уважение, что дельфийцы готовы были отдать в их пользование ценнейшее имущество самого Аполлона.

¹⁶⁵ Уран (Οὐρανός, «небо») – олицетворение неба, супруг Геи, относится к самому древнему поколению богов.

¹⁶⁶ Геспер (Ἑσπερος) – вечерняя звезда.

¹⁶⁷ Оуэн (с. 146): «Ночь, будучи меньшим божеством, имеет лишь двух коней, а не четырёх, как солнце. Так что пристяжных нет.»

¹⁶⁸ Плеяды (Πλειάδες) – семь сестёр, дочери Атланта, превращённые Зевсом в семизвездие Плеяд.

¹⁶⁹ Орион (Ὠρίων) – знаменитый охотник, отличавшийся необычайной красотой и огромным ростом. После гибели был превращён в созвездие. Держит в руке меч.

по небу, а вверху Медведица скользит
на золотом хвосте вокруг звезды полярной;
круг полнолунный, месяц надвое деля,
свет мечет вверх; там и Гиады,¹⁷⁰ мореходам
вернейший знак, и светоносная там Эос,¹⁷¹
прочь гóнящая звёзды. По бокам же он
повесил и другие варварские ткани:¹⁷²
суда на крепких вёслах против флота греков,¹⁷³
и зверолоуди там, и конные охоты
на быстрых ланей, и поимка львов свирепых.
У входа Кéкроп,¹⁷⁴ с дочерьми своими рядом,
свивался в кольца, дар кого-то из афинян,
а в центре пиршественного зала золотые
стояли кратеры. Поднявшись во весь рост,
глашатай созывает местных, кто желает,
на пир. Когда людьми наполнился шатёр,
украшившись венками, душу пищей тучной
все стали насыщать. Когда же наслажденье
ослабло, то старик в средину зала вышел
и, сильный смех у пировавших вызывая
своим усердьем,¹⁷⁵ начал воду из кувшинов
носить, чтоб мыли руки, мирровую жечь
смолу и раздавать им чаши золотые,¹⁷⁶
назначив сам себе занятие такое.¹⁷⁷
Дошло до флейт, кратёр был общий¹⁷⁸ принесён,
старик сказал: «Сосуды мелкие отсюда

---

¹⁷⁰ Гиады (Υάδες) – нимфы дождя, дочери титана Атланта и океаниды Плейоны. Гиады так сильно оплакивали смерть своего брата, Гиаса, погибшего на охоте от когтей льва или от укуса змеи, что Зевс взял их на небо и превратил в рассеянное звёздное скопление в созвездии Тельца. С восхождения этого созвездия начинался период дождей.

¹⁷¹ Эос (Ἐως) – богиня зари, дочь Гипериона и титаниды Тейи.

¹⁷² Видимо, персидской работы. Оуэн (с. 147): «Вполне возможно, в Дельфах были персидские трофеи, о которых Евр[ипид] знал».

¹⁷³ Оуэн (с. 147): «Это морское сражение, если Евр[ипид] имеет в виду настоящую персидскую шпалеру, возможно, [изображает] не Саламин, слишком зловещую тему для персов, но какой-нибудь военный успех, такой как битва при Ладе».

¹⁷⁴ Кекроп (Κέκροψ) – основатель и первый царь Аттики. Оуэн (с. 147): «Группа с Кекропом, будь то статуя или шпалера, была, наверное, помещена на это видное место в честь предстоящего отбытия Иона в Афины».

¹⁷⁵ Оуэн (с. 148): «Над ним смеются не потому, что <...> он выполняет свою работу неуклюже и не <...> потому, что он берёт на себя обязанности мальчиков, но просто из-за его очевидно излишней суетливости. Впрочем, его цель – начать распоряжаться кубками и воспользоваться впечатлением, которое он создаёт своими приказами <...>, обезоружив подозрение своей предыдущей навязчивостью».

¹⁷⁶ Оуэн (с. 148): «Они, очевидно, пьют во время еды. Обычно вино пили только на симпозиис после еды».

¹⁷⁷ Оуэн (с. 148): «Странно, что личный слуга Креусы смог занять такое выдающееся положение на пире, который давал Ксуф». Странного в этом мало, и можно дать три объяснения: (1) в общей суматохе и возбуждении никто просто не обратил внимания на то, что пиром управляет незнакомец, особенно если тот вёл себя уверенно, будто выполнял официально возложенное на него задание; (2) если Старика всё-таки узнали, то он был как-никак рабом семьи Ксуфа, и можно было подумать, что Ксуф дал ему приказ разливать вино гостям; и (3) всё это было устроено Аполлоном, выполнявшим собственный план.

¹⁷⁸ Отсюда вино разливали по кубкам гостей.

убрать бы прочь и заменить их на большие,
чтоб эти люди побыстрей развеселились».
Поднялся шум. Вносили кубки золотые
и среброкованные. Взяв один, отборный,
старик вином его наполнил, угождая
владельцу новому,¹⁷⁹ и, люди мне сказали,
в него яд сильный капнул, данный госпожою,
чтоб сын, едва найдясь, покинул эту землю.
Никто и не заметил. Кубок взял найдёныш
и приступил уже с гостями к возлияньям,
как слово бранное сказал один из слуг,
а мальчик в храме, средь речей высоких вырос,
и слово счёл плохой приметой, и велел
кратёр другой наполнить, божье возлиянье
на землю выплеснув, прося всех сделать то же.¹⁸⁰
Настала тишь. Пока водой мы наполняли
святые кратеры и библинским¹⁸¹ напитком,
в шатёр крылатая ватага голубей
нагрянула (без страха в Локсиевом храме
живущая¹⁸²) и стала жажду утолять,
в разлитое вино обмакивая клювы
и горлами прекраснопёрыми глотая.
Почти для всех напиток бога был безвреден,
голубка же одна, вина вкусив, что вылил
наследник новый, тотчас дивным опереньем
затрепетав, зашлась, как буйная вакханка,
в невнятном крике.¹⁸³ Вся толпа гостей смотрела
и ужасалась мукам птицы умиравшей.
Та вздрогнула, и когти на пурпурных лапках
обвисли. Над столом нагие вскинув руки
из-под плаща, наследник, богом возвещённый,
кричит: «Кто из людей убить меня пытался?
Рассказывай, старик! Ты слишком уж усерден,
из рук твоих ведь я напиток этот принял!»
Обыскивает старика он, ухватившись
за руку дряхлую, чтоб яд на том нашёлся.
Нашёлся. Старика заставили признаться¹⁸⁴

¹⁷⁹ Можно также перевести «владельцу юному» («τῷ νέῳ δὴ δεσπότη»). Иона, как члена семьи и фактического наследника, можно назвать «новым владельцем» старика-раба, и такой вариант перевода обычно предпочитается. Впрочем, можно привести аргументы и в пользу второго варианта. Читатель может выбрать тот вариант, который представляется ему более точным.

¹⁸⁰ Оуэн (с. 149): «На самом деле, было три возлияния: (1) Зевсу и Гере, (2) героям, (3) Зевсу-Избавителю. <...> Обычно часть [вина] выпивали, а часть выливали. Здесь, при слове, являвшемся плохой приметой, Ион вылил его полностью на землю, и этот акт благочестия спас ему жизнь».

¹⁸¹ Верралл (с. 97): «Библин, винодельная область во Фракии».

¹⁸² Оуэн (с. 149): «Должно быть, это были привилегированные птицы, поскольку Ион распугивал всех прочих. Тем, кто ездил в Венецию, это напомнит о голубях на Площади Св. Марка, которых столетиями подкармливают по специальному распоряжению Республики».

¹⁸³ Оуэн (с. 149): «Необычный и, таким образом, непонятный крик являлся плохой приметой».

¹⁸⁴ Оуэн (с. 150): «Он был рабом и не мог ожидать более мягкого обращения с собой». Джеррам (с. 62): «Возможно, под пыткой, как было принято поступать с рабами». Верралл выражается

и в дерзости Креусы, и в подливе яда.
С гостями выбежал наружу тотчас отрок,
пифийским Локсием указанный, и молвит,
остановившись меж властителей дельфийских:
«Земля священная!¹⁸⁵ Меня дочь Эрехтея,
иноплеменница,¹⁸⁶ убить пыталась ядом!»
Вожди дельфийские двойным голосованьем¹⁸⁷
решили со скалы мою хозяйку сбросить
за то, что божьему слуге искала смерти
в самом святилище. Её весь город ищет,
с бедой спешащую по бедственной дороге.
Она явилась к Фебу, жаждая детей,
но и себя сгубила, и своё потомство.

Хор¹⁸⁸

Нет, совсем нет спасения
бедной мне от гибели!
Ясным, ясным всё сделали
возлиянья Диониса,
кровь гадюки прядающей
в сок лозы подмешавшего.
Вот мы, жертвы аидовы!
Горем жизнь моя кончится,
жизнь хозяйки – камнями.
В бег крылатый пуститься ли,
скрыться ль в темень подземную
от камней убийственных,
гнать копыта быстрейшие,
четверной колесницы ли,
на корму ли вскарабкаться?

Нам не спрятаться, раз не угодно¹⁸⁹
богу выкрасть нас.
Госпожа моя бедная, как ты
пострадаешь душой! Мы хотели
ближним зло причинить, вот и сами
зло найдём. Это ведь справедливо?

Кр.¹⁹⁰

Девушки, за мной погоня! Умертвить меня хотят
по решению пифийцев! Я коварно предана!

Хор

Знаем, бедная, о бедах, постигающих тебя!

Кр.

Но куда бежать? Из дома наспех выскочила я

наиболее красноречиво (с. 98): «Какие ужасы могли таиться за этими словами, особенно в случае с рабом, зрители слишком хорошо знали». Скорее всего, старик был замучен до смерти.

¹⁸⁵ Джеррам (с. 62): «Ион обращается к изображению Геи, богини Земли, о которой говорилось, что она была самой древней обладательницей дельфийского оракула».

¹⁸⁶ Оуэн (с. 151): «Для него, хотя он и собирается стать афинянином, Креуса – чужеземка и, как таковая, должна вызывать подозрение и враждебность».

¹⁸⁷ Верралл (с. 99): «Это показывает, что приговор не был единогласным».

¹⁸⁸ Хоровая партия написана и переведена анапестом.

¹⁸⁹ Эти слова, вероятно, произносит Корифей.

¹⁹⁰ Начинается опять взволнованный размер – трохеический тетраметр.

и сюда примчалась тайно, выскользнув из рук убийц!

Хор Раз бежать, не к алтарю ли? Кр. Чем же он поможет мне?
Хор Здесь просителей не режут. Кр. Но закон меня казнит!
Хор Коли он тебя поймает. Кр. Горькие мои враги
приближаются с мечами! Хор На алтарь скорей садись!¹⁹¹
Если ты на нём погибнешь, то зальёшь своих убийц
кровью, требующей мщенья. Надо жребий свой нести!

Ион О, бычий облик прародителя-Кефиса,¹⁹²
что за ехидну ты родил, что за дракона,
глазами мечущего гибельное пламя!
Всё дерзость в ней, она и капель не слабее
горгоновых, которыми меня травила!
Схватить её! Пускай нетронутые косы
распустятся, на доли падая Парнаса,
когда её, как диск, мы со скалы метнём!
Мой гений мне помог, пока не оказался
в Афинах я, под властью мачехи коварной!
В кругу союзников твой ум измерил я,
какое горе ты, какое мне злосчастье!
Ты дома на меня набросила бы сеть
и непременно бы в Аид меня послала!
Но ни алтарь тебе, ни Аполлонов дом
не даст спасенья. Больше жалости достойны
мы с матерью моей. Она не здесь телесно,
но мысль об имени её всегда со мною.
Смотрите на плутовку! Как она коварство
вплела в коварство! На алтарь упала божий,
надеясь избежать расплаты за злодейство!

Кр. Не подходи ко мне! Убийство запрещаем
и я, и бог, хозяин храма, где я встала!

Ион Чего же общего меж Фебом и тобою?

Кр. Я богу собственное тело посвятила.

Ион И божьего слугу травить хотела ядом?

Кр. Не Локсиев ты больше. Ты отца имеешь.

Ион Один мне стал отцом, другой же был им вечно.

Кр. Ты был дарован богу. Я тебя сменила.¹⁹³

Ион Не благочестна ты, а я был благочестен.

Кр. Враг дома моего погублен был бы мною!¹⁹⁴

Ион С оружием в твою я землю не вторгался!

Кр. Вторгался! Дом спалить хотел ты Эрехтеев!

Ион Какими факелами? Пламенем каким же?

¹⁹¹ В древности человек, припадавший к алтарю божества и просящий у него защиты, становился неприкосновенным всё время, пока он там находился. Причинение вреда этому человеку считалось оскорблением божества.

¹⁹² Текст возвращается к ямбическому триметру. Кефис (Κηφισός или Κήφισος) – река на равнине Аттики, предок Креусы. Бог этой реки (как, впрочем, и многих других рек) изображался в виде быка.

¹⁹³ Т.е. теперь я посвящаю себя богу, взамен тебя, уезжающего отсюда.

¹⁹⁴ Креуса справедливо оправдывается тем, что погубить врага дома есть акт благочестия.

Кр. Владения мои забрать намеревался!
 Ион Ты за намеренье меня убить хотела?
 Кр. Чтоб не погибнуть, если ты приступишь к делу.
 Ион Отец меня нашёл, тебе ж, бездетной, горько!
 Кр. Ты, стало быть, дома́ бездетных будешь грабить?
 Ион Мне даст отец приобретённую им землю.
 Кр. А что в стране Паллады делать Эолидам?¹⁹⁵
 Ион Он защитил её оружием, не словами!
 Кр. Союзнику не светит стать землевладельцем.¹⁹⁶
 Ион Но разве я с отцом землёй не совладею?
 Кр. Копьё и щит. Вот это всё твоё богатство.
 Ион Покинь алтарь и богосозданное место!
 Кр. Ты матерью, где б ни была она, командуй!
 Ион Неужто ты за покушенье не заплатишь?
 Кр. Тебе в святилище меня придётся резать.
 Ион Но что за радость средь венков скончаться божьих?
 Кр. Чтоб оскорбивший оказался оскорблённым!
 Ион А!
 Ужасные законы бог назначил смертным,
 несообразно, без влиянья мудрой мысли.
 Преступников не на алтарь сажать он должен,
 а гнать взашей! Нехорошо богов касаться
 руке злодейской. Это дело рук достойных.
 В святилище сидеть обиженным лишь нужно,
 а не ходить, прося божественной защиты
 и справедливым, и негодным без разбора.¹⁹⁷

ЖРИЦА

Постой, мой сын! Покинув молвящий треножник,
 переступила через это ограждение
 я, жрица Фебова, хранящая старинный
 закон треножника, одна из всех дельфиек.
 Ион Мать неродная, но любимая! День добрый!
 Жр. Я так зовусь, и это имя мне не горько.
 Ион Ты слышала о кознях этой душегубки?
 Жр. Да, слышала. И ты неправ, что стал жестоким.
 Ион Не нужно ли убийц предупреждать убийством?
 Жр. Все жёны отвращенье к пасынкам питают.
 Ион А пасынки злодейкам-мачехам враждебны.
 Жр. Не будь таким. Покинув храм, в страну родную...
 Ион Как поступить? Что ты советуешь мне сделать?

¹⁹⁵ Т.е. потомкам Эола и детям Ксуфа, чужеземца. Если бы Ион был сыном Ксуфа и какой-нибудь афинянки, то это было бы другое дело. А так Ион – просто чужак, и не имеет права пользоваться заслугами своего отца перед городом.

¹⁹⁶ Джеррам (с. 67): «Ион предполагает, что Ксуф “приобрёл” некую земельную собственность в Афинах по праву своей жёны. Креуса <...> выводит его из этого заблуждения и далее уверяет его <...>, что всё наследство Ксуфа – это территория Эвбеи <...>, которую он завоевал, сражаясь на стороне афинян».

¹⁹⁷ Оуэн (с. 160): «И вновь слова Иона кажутся едва ли подходящими для служителя храма». Возможно, Еврипид сознательно вкладывает в уста Иона горделивые слова, критикующие бога, чтобы показать в нём будущего царя, привыкшего повелевать.

Жр. ... в Афины чист приди, с приметамн благими.
 Ион Но всякий чист, кто гибель недругам приносит.
 Жр. Не для тебя всё это. Слушай, что скажу я!
 Ион Что ж, говори. Твои слова всегда во благо.
 Жр. В руках корзинку я держу. Её ты видишь?
 Ион Да, вижу старую корзину в белых лентах.¹⁹⁸
 Жр. Я в ней тебя нашла, когда ты был младенцем.
 Ион О чём ты говоришь? Рассказ уж это новый!
 Жр. Хранила тайну я, но ныне всё раскрою.
 Ион Зачем ты скрыла эту давнюю находку?
 Жр. Хотелось богу, чтоб ты в храме был слугою.
 Ион Уже не хочется? Но как в том убедиться?
 Жр. Сказав, кто твой отец, тебя он шлёт отсюда.
 Ион Тебе приказ был? Почему ты всё таила?
 Жр. Решенье это заронил мне в душу Локсий.
 Ион Решенье сделать что? Скажи, рассказ окончи!
 Жр. До нынешнего дня хранить находку эту.
 Ион Какая выгода мне в ней, какой убыток?
 Жр. Там спрятаны пелёнки, ты был в них завернут.
 Ион Ты их выносишь, чтобы мать мою нашли мы?
 Жр. Так хочет божество, а раньше не хотело.
 Ион Блаженный день, благословенный чудесами!
 Жр. Возьми же их, ищи же мать свою усердно!
 <Ион> Всю Азию я обойду и всю Европу!
 <Жр.> Ты сам решай. По воле бога я вскормила
 тебя, дитя, и отдаю тебе все вещи.
 Желал он,¹⁹⁹ чтобы я сама их, без приказа
 хранила. Почему он так желал, не знаю.
 Про эти вещи ни один не ведал смертный,
 ни что со мной они, ни где они хранятся.
 Теперь прощай! Тебя, как мать, я обнимаю.
 Тебя родившую искать начни отсюда:
 узнай, какая-нибудь девушка-дельфийка
 не родила ль тебя и в храм не принесла ли?
 Гречанка, может быть? Во всём тебе поможем
 и я сама, и Феб, судьбы твоей участник.
 Ион Ах, боже мой! Из глаз моих струятся слёзы,
 умом я уношусь туда, где мать меня,
 плод связи неизвестной, выставила тайно,
 не дав мне и грудí. Так жил я, безымянный,
 у бога в храме и обычным был слугою!
 Бог добрым был ко мне, судьба же оказалась
 тяжёлою. Когда в объятых материнских
 я мог бы нежиться и жизнью наслаждаться,
 лишён я был заботы матери милейшей!

¹⁹⁸ «Στέμμα» – молитвенная гирлянда, сплетённая либо из лавровых, либо из масличных ветвей, иногда обвитых белой шерстью. Оуэн (с. 162): «Одно из двух: (1) Креуса положила их [гирлянды – В.] туда в знак мольбы [in token of supplication]; (2) их повесили в Дельфах в знак того, что это храмовая собственность».

¹⁹⁹ Аполлон.

Несчастлива и меня родившая, что так же
 страдает, потеряв отраду материнства.
 Теперь корзинку эту богу посвящу я,
 чтоб не найти мне то, чего я не желаю,
 ведь если мать моя окажется рабыней,
 её мне лучше не найти, чем не признать.
 О Феб, в твоём я храме это посвящаю!
 Но что со мной? Велению бога я перечу,
 который мне приметку матери сберёт?
 Я должен всё раскрыть, набраться дерзновенья.
 Того, что суждено, никак не миновать.
 Священные венки, завязки! От меня вы
 что скрыли, сберегая вещи дорогие?
 Гляди-ка! Крышка равнокруглая корзины
 по божьей милости совсем не обветшала,
 не видно плесени на прутьях. Между тем
 немало лет она в святилище хранилась!
 Кр. Что за явление нежданное я вижу?
 Ион Молчи! Ты мне и раньше горе приносила!
 Кр. Я не могу молчать! Не порицай меня!
 Я вижу колыбель, в которой я младенцем
 оставила тебя, сыночек мой родной,
 в кикроповой пещере, в Макрах камнесводных!
 Ион Алтарь покину я, пусть даже и погибну!
 Схватить её! Гонима богом, соскочила
 с алтарных идолов она! Связать ей руки!
 Кр. Не стойте, режьте! Но схвачусь я за корзину,
 и за тебя, и за хранимые в ней вещи!
 Ион Ну не ужасно ли? Меня ещё и грабят!
 Кр. Тебя любимые любовью одаряют!
 Ион Я твой любимый? Жертва козней смертоносных?
 Кр. Мой сын любимый! Что родителям ценнее?
 Ион Верёвки брось плести! Я живо их поймаю!²⁰⁰
 Кр. Об этом и молю! Туда и мечу, сын мой!
 Ион Пуста корзина ли? Наполнена ли чем-то?
 Кр. Одеждами, в которых ты был брошен мною.
 Ион И ты назвать их сможешь, прежде чем увидишь?
 Кр. Смогу. А если нет, я умереть согласна.
 Ион Так называй. Твоя решимость впечатляет.
 Кр. Глядите все! Я эту ткань сама соткала!
 Ион Какую именно? Ткут девушки немало.
 Кр. Неконченную. С челноком мой первый опыт.
 Ион А что на ней? Меня ты этим не уловишь!
 Кр. Горгона посреди основы покрывала.
 Ион Владыка-Зевс, что за судьба за мною мчится!
 Кр. Гадюками окаймлена, под вид эгиды.
 Ион Смотри!

²⁰⁰ Видимо, некая поговорка. Высказывалось мнение (см. Оуэн, с. 167), что образ взят из процесса плетения верёвки двумя людьми, когда один перекручивает несколько нитей, а второй ловит концы. Другими словами, Ион говорит: «Хватит плести свои козни! Я тебя мигом уличу!»

Нашёл я эту ткань! Права ты, как оракул!
 Кр. О, давний труд станка и рук моих девичьих!
 Ион Есть что-нибудь ещё? Ты всё уж угадала?
 Кр. Две древние гадюки златочелюстные.
 Ион Афиной данные, чтоб их носили дети?
 Кр. Об Эрихтонии-отце напоминая.
 Ион А с ожерельем золотым, скажи, что делать?
 Кр. Носить, мой сын, новорождённому на шее.
 Ион Гадюки тут. О третьей вещи знать я жажду.
 Кр. Венок я из оливы на тебя надела,
 которую Афина на скале взрастила,
 и, если это он, то зелен он и пышен,
 и не поблек, дитя беспримесной оливы.²⁰¹
 Ион Любимейшая мать, как рад тебя я видеть
 и к радостным щекам припасть для поцелуя!
 Кр. Мой сын, мой свет! Для матери ты ярче солнца
 (пусть бог меня простит)! В моих руках ты снова,
 нечаянно найденный! Я же считала,²⁰²
 что ты под землёй, меж теней, с Персефоной!
 Ион Ах, мать любимая! Я тут, в твоих объятьях,
 умерший для тебя, но смерти не познавший!
 Кр. О, свет! О, простор золотого эфира!
 Начну говорить ли? Кричать ли? Откуда
 явилось неожиданное счастье?
 Откуда пришла эта радость?
 Ион Я, мама, что угодно мог предположить бы,
 но лишь не то, что окажусь твоим я сыном!
 Кр. От страха ещё я дрожу!
 Ион Что ты со мной и без меня? Кр. Ведь далеко я
 надежды отбросила.
 Эй, женщина! На руки где ты ребёнка
 взяла моего?
 Скажи, кто принёс его в Локсиев дом?²⁰³
 Ион Какой-то бог. Но насладимся же удачей,
 хотя мы в прошлом и отведали несчастья!
 Кр. Сынок, я тебя родила не без плача,
 со стонущей матерью ты разлучился.
 Теперь же, припав к милым щёчкам, дышу я,
 блаженнейшее обретя наслаждение!
 Ион Ты этим и мои описываешь чувства!
 Кр. Уже не бездетна я и не бесплодна,
 есть в доме очаг, есть цари в государстве,
 и юн Эрехтей!
 Наш дом землеродный в ночь больше не смотрит,
 но вновь прозревает при факелах солнца!
 Ион Здесь, мама, должен и отец быть, разделяя

²⁰¹ Олива – священное дерево, подаренное Афиной своему городу.

²⁰² Взмолвленная Креуса забывает про ямбический триметр и переходит преимущественно на дохмий. Ион сохраняет определённую степень самообладания и продолжает говорить ямбами.

²⁰³ Креуса выкрикивает эти слова вслед уходящей Жрицы. Та не отвечает ей.

Кр.   ту радость, что я доставляю вам обоим.
                       Сыночек мой!
 Ты что говоришь? Весь позор мой раскрылся!
 Ион   О чём ты? Кр. У тебя другой, другой родитель!
 Ион   Ах, горе! Я рождён от девушки, вне брака?
 Кр.   Не с факелами, не с весёлою пляской
                       был брак заключён,
                       сыночек, тебя породивший!
 Ион   Ай-ай! Я низкорожден, мама? Я откуда?
 Кр.   Свидетель – убийца Горгоны... Ион О чём ты?
 Кр.   ...которая дóма, на скалах,
                       на взгорье, оливы родящем,
                       сидит... Ион Слова твои туманны, непонятны!
 Кр.   ... что там, у скалы соловьиной,²⁰⁴
                       я с Фебом... Ион А Феб тут причём-то?
 Кр.   в объятиях тайных лежала...
 Ион   Заканчивай! Твои слова приносят благо!
 Кр.   ...в десятом же месячном круге
                       был Фебу ребёночек тайный.
 Ион   Милейшие слова, коль правду говоришь ты!
 Кр.   В пелёнки, работу девичью,
                       прервав челнока заблужденья,
                       тебя твоя мать завернула.
                       Тебе не дала молока я грудного,
                       тебя не помыла своими руками,
                       в пещеру пустынную бросила сына,
                       как тело для пиршества птиц остроклювых,
                       как жертву Аиду!
 Ион   Ужасно это, мать! Кр. Окованная страхом,
                       сыночек, твою я отринула душу!
                       Убила бы невольно! Ион Я же – нечестиво!
 Кр.   Ах, как тогда была судьба моя ужасна,
                       ужасна и теперь! Туда-сюда нас кружит
                       попеременно то несчастьем, то удачей
                       по воле шквалов!
                       Утихли бы они! Нам хватит прошлых бедствий.
                       Пускай, сынок, попутный ветер сменит бурю!
 Хор   Не стоит ничего именовать неожиданным,
                       узнав о том, что нынче здесь произошло!
 Ион   О ты, уже бессчётных бросившая смертных
                       из горестей опять в средоточенье благ,
                       судьба! Ведь как узка была черта меж мною

²⁰⁴ Оуэн (с. 172): «Некоторые редакторы сомневаются в том, что возле Акрополя жили соловьи, хотя, памятуя Соф[окла], они признают их присутствие в Колоне. Я могу только сказать, что я слышал их во дворцовых садах, расположенных немного к северу от Акрополя». Джеррам говорит (с. 74), что «во всей округе было полно соловьёв» и даже приводит цитату из Мильтона (Paradise Regained 245) в подтверждение своих слов. Верралл (с. 119-20): «Вся афинская округа была знаменита своими соловьями». От себя могу добавить, что, прожив около четырёх лет (1997-2000) практически у подножья Акрополя, я не помню, чтобы мне довелось слышать пение соловьёв. Может быть, они жили там в древности, может быть, живут и теперь. Для меня этот вопрос остаётся открытым.

- и казнь матери, и мукой несуждённой!
Подумать только!
Да разве нам дано в объятьях светлых солнца
за день единственный так много узнавать?
В тебе я, мать, нашёл находку дорогую
и род, по-моему, нисколько не презренный.
Но я тебе одной сказать желаю что-то.
Иди сюда, ко мне. Шепну тебе на ухо
о тех вещах, что пусть покрыты будут мраком.
Смотри-ка, мама, ты не сбилась ли с дороги,
в связь тайную вступив, как девушки иные,
а после всю вину на бога возложила,
чтоб избежать стыда, рождённого со мною,
сказав, что Феб отец, зачав же не от бога?
- Кр. Клянусь Афиной Никой, вставшей со щитом
у колесницы Зевса против землеродных:
никто из смертных не отец тебе, мой сын,
но Локсий-царь, тебя с младенчества вскормивший!
- Ион Зачем же сына своего отцу другому
он отдал и сказал, что Ксуф родитель мой?
- Кр. Родителем он не назвал его, а просто
тебя в подарок дал ему, как другу друг
даёт ребёнка, чтобы в доме был хозяин.
- Ион Правдив ли бог? Не прорицает ли он ложно?
Не понапрасну, мать, мой разум потрясён.
- Кр. Послушай же, сынок, что в голову пришло мне:
добра тебе желая, Локсий в благородный
тебя устроил дом. Назвавшись сыном бога,
ни дома получить в наследство ты не смог бы,
ни имени отца.²⁰⁵ Ведь я сама о браке
молчала и тебя тайком убить хотела!
Заботой божьей ты отцу другому отдан.
- Ион Такой плохой ответ меня не успокоит,
я Феба сам спрошу, войдя в его обитель,
кто мой отец: какой-то смертный или Локсий.
А! Кто там из богов среди облаков курений
над храмом просиял солнцеподобным ликом?²⁰⁶

²⁰⁵ Джеррам (с. 76): «Афинский закон требовал, чтобы каждый гражданин был зарегистрирован по имени своего настоящего или приёмного отца. Таким образом, некий человеческий отец [human father] должен быть найден для Иона, прежде чем он сможет получить своё наследство». Объявить себя сыном бога было недостаточно. Верралл (с. 123): «Креуса <...> никогда не осмелилась поведать свою историю, по той очевидной причине, что никто бы ей не поверил. Из этого можно представить, говорит она, какой шанс установить этот факт был бы теперь, да так, чтобы закон был удовлетворён».

²⁰⁶ Интересное примечание Верралла (с. 124): «Возможно, на сцене лишь голова или бюст, сверхчеловеческого размера, появлялся над храмом <...>. Предполагалось, что богиня стоит внутри, а её статуя возвышается над зданием. Конечно, это было бы гораздо легче устроить – в Дельфах, если не на сцене – чем явление в воздухе. Актёр затем мог начать говорить позади головы». Очевидно, у Верралла был доступ (через его жену-медиума?) к неизвестным науке сценическим указаниям Еврипида или же он почерпнул эти сведения из личной переписки с автором. Пожалуй, здесь нужно сказать, что вообще трактовка «Иона», созданная Верраллом, является весьма оригинальной, как и почти вся его деятельность. Чаще всего с ним не

Бежим отсюда, мать! Не будем на бессмертных
смотреть, пока на то не наступило время!

АФИНА

Не убегайте! Я не враг вам, чтоб спастись,
но и в Афинах вам, и здесь благоволю я!
Ваш край со мною имя делит.²⁰⁷ Я, Паллада,
пришла мгновенно к вам по просьбе Аполлона.
Он сам к вам на глаза не пожелал явиться,²⁰⁸
чтоб не был разглашён упрёк за то, что было.
Меня послал он к вам сказать слова такие:
вот мать твоя, ты был зачат от Аполлона,
который дал тебя не твоему отцу,
чтоб в доме был ты благороднейшем пристроен.²⁰⁹
Когда всё дело неожиданно раскрылось,
то он, боясь, что мать твоя тебя погубит,
а ты её, тебя уловками избавил.
Намеревался царь молчать об этом деле,
в Афинах же тебе о матери поведать,
что ею ты рождён и что отец твой – Феб.
Но нужно завершить мне и оракул бога,
услышьте, для чего впрягла я колесницу.
Взяв сына этого, в Кекропову страну²¹⁰
ступай, Креуса, и его на трон тиранский
там посади. Он ведь из рода Эрехтея
и может царствовать в моей земле по праву,
прославленный по всей Элладе. От него,
от корня одного, возрастут четыре сына,
они же станут эпонимами²¹¹ земле
и племенам, вокруг скалы моей живущим.
Гелёон²¹² же родится первым, от второго
<и третьего свои получают имена>²¹³
гоплеты²¹⁴ и аргады,²¹⁵ а моя эгида
название даст своим владельцам, эгикорам.²¹⁶

соглашаешься, но нельзя не восхищаться своеобразием этого ума. Те, кто желает ознакомиться с переводом и комментариями Верралла, может найти его книгу: *The Ion of Euripides*. Tr. and ed. A.W. Verrall. Cambridge: Cambridge University Press, 1890.

²⁰⁷ Оуэн отмечает (с. 178), что Афина, однако, именуется в пьесе «Палладой», а не тем именем, которое она разделяет с городом.

²⁰⁸ Джеррам (с. 77): «Проще говоря, он стыдился своего поведения».

²⁰⁹ Как уже говорилось, отцовство Аполлона само по себе, если бы даже и было несомненно установлено, не принесло бы Иону ни земель, ни власти, ни богатства.

²¹⁰ Напомним, что Кекроп (Κέκροψ) – основатель и первый царь Аттики.

²¹¹ Эпоним (ἐπωνυμῶς) – божество, реальный или легендарный человек или герой, в честь которого получил своё имя какой-либо географический объект.

²¹² Или «Гелеонт». Сын Иона, основатель племени Гелеонтов (Γελέοντες). Вариант перевода строки с именем «Гелеонт»: «Родится первым Гелеонт, а от второго» и т.д.

²¹³ Эта строка отсутствует в рукописях и восстанавливается по смыслу.

²¹⁴ Гоплеты (Ὀπλήτες) – ионийское племя. Его основатель – Гоплет (Ὀπλήτης), сын Иона.

²¹⁵ Аргады (Ἀργαδεῖς) – ионийское племя, которое основал сын Иона, Аргад (или «Аргадей») (Ἀργάδης).

Их сыновья потом, когда наступит срок,
 поставят города на островах кикладских²¹⁷
 и на прибрежной суше, дав моей земле
 могущество и на обоих побережьях
 создав себе дома, в пределах азиатских
 и европейских.²¹⁸ Им в честь сына твоего
 дадут прославленное имя ионийцев.
 У Ксуфа и тебя родятся тоже дети,
 сын первый – Дор²¹⁹, страны дорийской основатель,
 в земле Пелоповой²²⁰ воспетой, а второй –
 Ахей,²²¹ который на побережье, близ Риона,²²²
 тираном станет, и от имени его
 затем произойдёт название народа.²²³
 Всё сделал Аполлон как следует: сначала
 без мук ты родила и втайне от родных;
 когда же ты запеленованного сына
 покинула, бог на руки велел Гермесу
 схватить младенца и сюда его доставить,
 вскормил его и дух исторгнуть не позволил.
 А ты молчи о том, что это твой ребёнок,
 чтоб Ксуф в приятном заблуждении пребывал
 и ты ушла отсюда, женщина, счастливой.
 Прощайте же! Отдохновенье от страданий
 и долю светлую вам ныне обещаю.
 Ион²²⁴ О Паллада, дочь Зевса величайшего, я принял
 речь твою без недоверья. Истинно меня родили
 Локсий с нею. Я и раньше не был чуждым этой мысли.

²¹⁶ Эгикоры (Αἰγικορεῖς) – ионийское племя. Основатель – сын Иона, Эгикорей (Αἰγικόρης). Джеррам (с. 78): «Говорилось, что эти имена означали: <...> Γελέοντες – возможно, “аристократы”, Ὀλλήτες – “воины”, Ἀργαδεῖς <...> – “рабочие”, Αἰγικορεῖς – “kozy пастухи”. Последнее название, однако, Еврипид причудливо производит от девической Эгиды, в виде комплимента Афине». Таким образом получается, что потомство Иона произвело на свет все основные классы древнегреческого общества. Названия племён могут иметь по-русски и другие варианты. Здесь повторяются варианты, принятые Анненским.

²¹⁷ Оуэн (с. 180): «Хотя обычно так называются острова, окружающие Делос, здесь это имя применяется в широком смысле <...>, чтобы включить в себя острова, принадлежащие к Делосскому союзу, то есть Эвбею, Лесбос, Хиос и Самос».

²¹⁸ Джеррам (с. 78): «Когда ионийцы северного побережья Пелопоннеса <...> были вытеснены ахейцами из Арголиды, они сначала бежали в Аттику. Таким образом, с течением времени Аттика переполнилась, и последовали дальнейшие волны миграции».

²¹⁹ Δῶρος.

²²⁰ Верралл (с. 127): «Сначала во Фтии, откуда это имя было занесено дорийскими завоевателями в Пелопоннес». Пелоп (или Пелопс, Πέλοψ) – царь и национальный герой Фригии, а затем Пелопоннеса.

²²¹ Ахей (Ἀχαιός) – сын Ксуфа и Креусы. От него названы ахейцы.

²²² Верралл (с. 127): «Мыс в Коринфском заливе, где афиняне под командованием Формиона [Формион (Φορμίωνος) – талантливый афинский военачальник начального периода Пелопоннеской войны 431-404 гг. до н. э. – В.] одержали морскую победу в 429 г. до н.э.»

²²³ Нельзя не провести параллель между этой речью Афины и речью Анхиза, отца Энея, в конце VI книги «Энеиды» Вергилия, где повествуется о будущем троянцев и об истории римского народа. Другая знаменитая параллель – пророчество волшебницы Мелиссы, рассказывающей Брадаманте о будущем её рода (Ариосто, «Неистовый Роланд», Песнь 3).

²²⁴ Трагедия заканчивается взволнованным размером – трохеическим тетраметром.

Кр. Слушай же! Хвалю я Феба, хоть и не хвалила раньше,
ведь он сына возвратил мне, не воспитанного мною.
Как врата преобразились, как храм бога стал прекрасен
и совсем уже не мерзок! Я теперь кольца дверного
с наслаждением касаюсь, шлю вратам привет прощальный!²²⁵

Аф. Молодец, что хвалишь бога, что к нему переменилась.
Боги ждут подчас годами, но их руки не бессильны.

Кр. Сын, идём домой! Аф. Ступайте, я последую за вами!²²⁶

Ион Нашей спутницей достойной. <Кр.> Любящей наш город славный.

Аф. Восседай на древнем троне! Ион Я владею им по праву!

Хор²²⁷ О, сын Зевса и Латоны, Аполлон! Прощай! Пусть каждый,
если дом теснят несчастья, чтит богов и точно знает:
добродетельным даётся под конец вознагражденье,
а негодным их природа никогда не даст блаженства.

Брисбен, 13.09.2012 –15.04.2015

---

²²⁵ Верралл счёл эти прикосновения к дверному кольцу недостаточно поэтичными, поэтому в его переводе Креуса желает обвить колонны храма гирляндами. Вот ещё один пример произвола, допускаемого так часто и переводчиками, и редакторами по отношению к незащитным классическим текстам. Верралл, правда, упомянул своё решение в примечании (с. 128-9).

²²⁶ Верралл (с. 129-30): «Т.е. по воздуху. Она никогда не спускается на сцену. Это могло бы плохо кончиться [It would have been a troublesome feat.]».

²²⁷ Оуэн (с. 184): «Единственная другая трагедия, в которой Хор заканчивает трохеическими тетраметрами – «Ц[арь] [Эдип] Соф[окла], но там подлинность строк более чем сомнительна. <...> Этот размер не используется, как правило, для раздумий морального характера».